

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

ПЕТР ЗАСПА

АРКТИКА-
2020

«КРЫЛОВ»

Петр Заспа

Арктика-2020

Серия «Библиотека «Мужского клуба»»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28506291

Арктика-2020: ИК «Крылов»; СПб.; 2017

ISBN 978-5-4226-0293-3

Аннотация

Природные богатства Арктики стали яблоком раздора для ведущих держав. Западу категорически не нравится, что Россия отказалась делиться ресурсами. Мировая элита считает нефть и газ общим достоянием, она готова доказать это силой. Напряжение нарастает. Достаточно малейшей искры, чтобы сработал эффект «спускового крючка» и страны сошлись в военном противостоянии. И такая искра вспыхивает – в грозном 2020-ом...

Троих друзей по лётному училищу жизнь разбросала по разным местам службы. Их судьбы снова пересеклись и сплелись в тугую клубок на Крайнем Севере, в ходе войны за Арктику. На земле, в небесах, на море и в тылу врага приходится работать боевым офицерам, чтобы восстановить геополитическую справедливость.

Кому-то суждено стать героем, кому-то бойцом невидимого фронта, а кому-то – предателем. Эта книга о российских офицерах, об офицерском долге и любви к Северному флоту.

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	39
Глава третья	60
Глава четвёртая	82
Глава пятая	102
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Петр Заспа

Арктика-2020

© Заспа П., 2017

© ИК «Крылов», 2017

*** * ***

В арктическом шельфе сконцентрирована треть всех мировых залежей углеводородов.

Геологическая служба США Ernst & Young

Мы сами определяем последнюю границу Канады. Северный полюс находится на исконно канадской территории, потому что является естественным продолжением канадского острова Элсмир, только под водой.

Министр окружающей среды Канады

Леон Аглюккак

Я провозглашаю норвежский город Тромсё (население 67 тыс. чел.) столицей Арктики! А США – ведущим государством в Арктике!

Министр иностранных дел Норвегии

Йонас Сторе

Арктика – неотъемлемая часть Российской Федерации, находящаяся под нашим суверенитетом в течение нескольких веков. Так оно и будет во все последующие времена.

Из выступления Президента Российской Федерации

Владимира Путина

Вопрос из зала: «Как вы относитесь к предложению

профессора Высшей школы экономики Сергея
Медведева передать управление Арктикой под
контроль международному сообществу?»

Владимир Путин: «Придурок!»

Глава первая

Игры настоящих мужчин

1 июня 2020 г. Баренцево море.

Солнце брызнуло в блистер ярким сполохом и заиграло в плексигласе, рассыпавшись спектром цветных полос. Глаза будто ослепило белой дугой электросварки, цифры и стрелки на приборной панели померкли. Сконцентрированный через выпуклый фонарь, словно через лупу, в лицо ударил горячий луч – неприятное ощущение. Макс нехотя опустил светофильтр. На очередном поворотном¹ он сменил курс на юго-восток, и утреннее солнце уселось аккурат на белый обтекатель РЛС. С таким неудобством придётся мириться ещё не меньше пяти минут. Затем, замкнув круг патрулирования – курс на юг, и можно возвращаться на «Кузю». Рядовое задание, каких за плечами десятки. Всё обыденно, тягуче прозаично и по-житейски скучно. Ни тебе перехватов, ни боевых стрельб, ни упражнении на высший пилотаж.

– Восемьсот пятьдесят третий? – напомнил о себе штурман наведения.

– Ответил, – нажал кнопку внешней радиосвязи Макс.

¹ Поворотный пункт или точка, над которой самолёт изменяет курс (*проф. жарг.*).

– У вас по курсу засветка. Не помешает?

Штурман у себя на корабельном экране заметил грозовой фронт и хотел уточнить его высоту. Су-33 летел на девяти тысячах, а поднявшийся тёмным столбом сгусток облаков явно превышал эшелон километра на три.

– Помешает, – Макс едва не зевнул.

– Курс сто восемьдесят! – тут же отреагировал штурман, уводя его на безопасное расстояние от снежных зарядов.

– Выполняю.

Теперь хотя бы солнце ушло в сторону, а в остальном... тоска! Далеко внизу плотным покрывалом скрывшее Баренцево море белое одеяло облаков. Над головой отливающее чернотой бездонное небо. И никого. Скукотище до ломоты в зубах....

– Восемьсот пятьдесят третий?

Макс уже потянулся, чтобы, упреждая вопрос, доложить, что занял заданный курс, но взволнованный голос штурмана подсказал, что с догадкой он поторопился. Не тратя время на ожидание ответной квитанции, штурман наведения спросил:

– Постороннего наблюдаете?

А вот это уже интересно!

Макс завертел головой, затем заложил крен вправо-влево. Далеко позади, рядом с вытянувшейся ниткой инверсионного следа, оставшегося за его истребителем, бежала ещё одна, точно такая же линия – белое копьё с тёмным наконечником.

– Наблюдаю!

– Посторонний, предположительно со Шпицбергена.

Конечно, со Шпицбергена! Откуда же ему ещё взяться? После того, как Норвегия выдавила с островов российскую компанию «Арктикуголь», то тут же забыла, что когда-то объявила архипелаг демилитаризованной зоной, и на аэродроме посёлка Лонгьир разместила свои истребители F-16. Теперь в северном небе такие встречи редкостью не были. Конечно же, сие «миролюбивое» решение было ответом исключительно на «осуждаемую прогрессивной общественностью и возглавляемую Соединёнными Штатами агрессивную политику России в Арктике». И лишь только ради безопасности шныряли в нейтральных водах высоких широт норвежские корабли береговой охраны, перебазировавшись с материка на северные острова. Исключительно ради безопасности! И как только у России поворачиваться язык заявлять, что всему причиной презренные углеводороды?!

– Дистанция сокращается, – подсказал штурман.

– Отрабатывает перехват, – подтвердил Макс, скосив глаз на вспыхнувшую лампу «П», предупреждающую об облучении локатором F-16.

– Приказ старшего – не провоцировать! – напомнил штурман.

– По-омню, – нехотя протянул Макс, не желая вступать со штурманом в бесполезные пререкания. Но изображать безобидную мишень он тоже не собирался. – Посмотрю на постороннего и обратно.

Нервозность штурмана наведения можно понять. Старшим на тяжёлом авианесущем крейсере «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов» вышел сам Командующий Северным флотом. И это давление ощущалось на всех – от командира крейсера до группы руководства полётами. Все старались делать свою работу чётко, строго следуя букве руководящих документов, и без свободной самостоятельности. Хотя, с другой стороны, и осторожность Командующего тоже понятна. Уж слишком накалилась в последнее время международная обстановка. По всему миру один за другим, то тут, то там, как грибы после дождя, вспыхивали многочисленные локальные конфликты. Они разгорались по планете как рассыпавшиеся угли из печи на пересохшем поле. Но при этом никто не признавал открытых войн, предпочитая не доводить до ядерного коллапса по-соседски вспыхнувшую ссору. Сакраментальное «Иду на Вы!» давно ушло в прошлое. Ныне ненавидящие друг друга главы государств продолжали встречаться на форумах и дипломатических раутах, расточали друг другу фальшивые улыбки, при этом хладнокровно просчитывая – какой бы ещё удар вогнать оппоненту под дых. Мир словно сошёл с ума. Так пришедшаяся по душе державам, возомнившим себя хозяевами мира, теория управляемого хаоса частенько давала сбой, и выпущенный из бутылки джин становился неуправляемым. Дымил Ближний Восток. Китай откровенно провоцировал Филиппины, Северная Корея – Японию. Южная Америка сплошь покры-

лась язвами кокаиновых войн. Европа сотрясалась в терактах, которые устраивали объявившие ей джихад «Братья мусульмане». Непокойно было и в Арктике. Пока ещё не переступая красную черту, пыталась потеснить Россию Норвегия. Делала она это довольно грубо, каждый раз демонстрируя свою решимость – ну уж на этот раз точно довести дело до ещё одного горячего конфликта. Но каждый раз обе стороны успевали остановиться, пройдясь по опасному краю, заканчивая на грани фола и не дальше. Пока...

Конечно, Норвегия ещё не сошла с ума и не горела желанием опробовать на собственной шкуре российский военный каток, даже если наградой манят новые буровые скважины. Но плох тот енот, который не позволит себе твякнуть на медведя, если чувствует за спиной волчью стаю. Тем более если эта стая настойчиво подталкивает его вперёд и требует показывать зубы.

F-16 заметил разворот российского истребителя и отвернул обратно на Шпицберген. Макс ехидно представил, как теперь нервничает норвежский пилот, подставив спину. Однако, наверное, и у него было указание – не входить в близкий контакт и не испытывать вероятному противнику нервы. Но одно дело указание тех, кто остался на земле, в небе же, где они одни, часто происходит другое. Дух здорового соперничества присущ лётчикам во всём мире. И если есть возможность, то редко кто её упустит.

«И куда ты собрался? – хмыкнул Макс, немного двинув

РУД вперёд. – Ты мужик или баба? Так и не покажешь, на что способен?»

Су-33 быстро догонял F-16, и норвежец, не выдержав, нырнул вниз, к облакам. Макс не отставал. Позади норвежского истребителя вспыхнул форсажный факел, и норвежец попытался оторваться энергичным разворотом, с неожиданным набором высоты.

«Ну что ж, – подумал Макс. – Эта игра мне известна. Называется – удержись на хвосте. Сейчас я тебя погоняю, потом поменяемся!»

Снизившись, они неслись над облаками, и сейчас во всей красе ощущалась стремительная скорость пронесившейся под крылом белой пушистой равнины. Теперь истребитель Макса держался за норвежцем как привязанный. F-16, с красными треугольниками в синих кругах, бросался из стороны в сторону, вверх-вниз, на его крыльях то и дело закручивался спиралью срывающийся поток. При этом на Су-33 угол атаки ни разу не превысил 18 градусов. Довольно быстро и легко Макс поймал норвежца в прицел. Конечно, положив руку на сердце, он понимал, что борьба была неравной. Не ровня F-16 для Су-33. И маневренность не та, и тяговооружённость далека от равенства. Такая борьба подобна гонкам болида формулы один с автомобилем, созданным для ралли. Но хороший лётчик сможет показать мастерство даже верхом на табуретке! Это всегда чувствуется, несмотря на то, чем он управляет. Пока что Максим никак не мог по-

нять – кто перед ним, ас или новичок? Чтобы окончательно это осознать, нужно поменяться местами. Макс нырнул под F-16, и норвежский лётчик потерял его из виду. Затем, дав полный форсаж, Макс свечой взмыл у норвежца перед носом, потрянув чужой истребитель возмущённой воздушной струёй. Манёвр опасный, дерзкий и вызывающий – я тебя взял, теперь ты меня попробуй!

Норвежец вызов не принял. Он неожиданно нырнул вниз и исчез в облаках.

– Эй! Да ты просто трус! – возмущившись, выкрикнул ему вслед Макс. – А я ещё хотел с тобой потягаться на малых скоростях?!

Не любят лётчики-истребители летать в облаках. Вне видимости горизонта у них возникает ощущение некой клаустрофобии. А если они будут знать, что в облаках находится другой самолёт, то их туда не загонишь дубиной.

Макс матюгнулся, но в облака за норвежцем не полез. Он шёл выше, надеясь, что у норвежца всё же разыграет гордость и он вернётся. Неужели у него нет такого понятного всем охотникам чувства азарта? За Максимом такой грешок вошёл – ох, как увлекался! Да что там увлекался! Он терял голову, когда перегрузка, пусть и учебного боя, наваливалась на плечи и оттягивала на подбородок щёки! Другой раз даже выговоры за такие дела получал, но ничего поделать с собой не мог.

...Ещё в военном училище его инструктор, гордившийся

тем, что знает всех своих курсантов по именам, и не принимающий казённое обращение «товарищ курсант», говорил ему так:

– Максим Королёв, у тебя агрессивная манера пилотирования!

Коротко, но не ясно. Макс стоял перед ним на разборе полётов на вытяжку и не мог понять – хвалят его или ругают? Уточнить, чтобы не нарваться на грубость, не поворачивался язык, а догадаться по интонации не получалось. Инструктор выговаривал ему безразлично и даже как-то устало, словно – ну что с тебя взять? Каждый раз одно и то же, и каждый раз как об стенку горох! Макс недолго подумал над его словами и для себя решил, что, наверное, его всё же хвалят. А то, что же это за лётчик-истребитель, если ему чужда агрессия бойца? Тогда и не боец он вовсе, а так... не защищать родное небо взлетел, а погулять вышел!

– Восемьсот пятьдесят третий?!

Сквозь помехи едва доносившийся голос штурмана наведения не скрывал тревогу. Вот чёрт! Про него он совсем забыл.

– Ответил восемьсот пятьдесят третий! – как можно спокойней отозвался Макс.

– Я вас не наблюдаю! Подскажите вашу высоту?

Снизившись, они с норвежцем исчезли у штурмана с экрана, и теперь он рвёт на голове волосы.

– Две тысячи, перехожу в набор. Девять сто доложу.

Максим плюнул на норвежца и потянул ручку на себя. Стрелка высотомера бодро рванула вправо, а он с тоской оглянулся на удаляющиеся облака. Да и чёрт с ним, с этим норвежцем, хотя сам он такого унижения бы ни за что не потерпел. Выжал бы из своего самолёта сверх предела, но показал, что и сам чего-то стоит.

– Восемьсот пятьдесят третий!

– В наборе.

– Вас наблюдаю.

Затем штурман сделал глубокомысленную паузу и, словно заговорщик, чтобы быть понятным только им двоим, прозрачно намекнул:

– Вы за нейтральными... – заканчивать фразу словом «водами» штурман не стал.

По спине пополз неприятный холодок. Макс икнул и понимающе протянул:

– По-о-онял, исправляю.

Вот так заигрался! Если не над морем, то значит, над сушей или рядом. Третьего не дано. Норвежец увёл его на свою территорию, и теперь он летит над каким-то из островов архипелага Шпицберген. Нужно быстрее сматываться, а там, глядишь, успеет выскочить, никто не заметит, может, и пронесёт.

– Подскажите курс? – Макс прислушался.

Ответ услышать он не успел. Разрывая уши, в наушниках вдруг низко заревел прерывистый сигнал тревоги. А поверх

него хладнокровно заговорил речевой информатор. Ох уж эта невозмутимая девочка «Рита»! Даже, кажется, наступил конец света, она объявит об этом так, словно речь идёт о прыще на твоём носу. Вот и сейчас:

– Ракета слева снизу.

Спокойно и сдержано. Максим резко потянул на себя, и навалившаяся вслед за перегрузкой темнота сузила зрение, оставив на приборной доске лишь небольшой светлый круг. Манёвр оказался запоздалым. Слишком с короткой дистанции выпустили ракету. Едва слышный хлопок за спиной, и свист обоих двигателей тут же стих. Истребитель клюнул носом, затем, завращавшись в неуправляемом штопоре, камнем понёсся к земле. Молочной белизной пронеслись облака, дальше перед глазами замелькали то заснеженные горы, то свинцовое море. Сгруппировавшись, Макс подтянул ноги, прижался шлемом к заголовнику, потом рванул ручки катапульты.

* * *

Свен Эйнар закинул за спину карабин и натянул очки. Надвигалась буря, и нужно было поторопиться. Но лежавшие в прицепленной за «Ямахой» волокуше две тушки нерпы показались ему оскорбительным, перед другими охотниками, мизером. С такой добычей лучше не возвращаться – засмеют. Можно было переждать в брошенных русскими жилых

боксах, а можно попробовать успеть сделать вокруг озера ещё один круг. Ветер усиливался, но тёмная стена снежных зарядов пока ещё ползла далеко над морем. Полчаса у него как минимум есть. Взвесив все за и против, Свен развернул снегоход и помчался к озеру. Тем более что в оттаявших полетнему полыньях ему почудилась чёрная голова нерпы. Он подъехал к кромке льда и недовольно сплюнул. То, что показалось ему нерпой, оказалось притопленной бензиновой бочкой с эмблемой русской угольной компании. Да и та уже никуда не годная, прогнившая, с ржавыми дырами.

День определённо не задался.

Началось всё с того, что утром он погрызся со своим другом Оле Дэвиком. Неприятная ситуация. Оле был его прямым начальником, а такими друзьями не бросаются. Да и причина ссоры казалась Свену смехотворной. Всего лишь назвал жену Оле Кристин разжиревшей за зиму коровой. А что, если это правда и за каждую полярную ночь боявшаяся высунуть нос из уютного дома Кристин набирала по двадцать килограмм лишнего привесу.

Ответный выпад Оле сделать не может, потому что у Свена нет жены, оттого и бесится – резонно заключил Свен.

Хуже всего, что Оле поддерживали и другие. Чёртовы лизоблюды! Ладно бы Оливер! Этот всегда рядом с начальством трётся. Но Кнут Нильсен! Кнут такой же проходчик, как и Свен! Да к тому же неизменный напарник по выпивке в их единственном баре. А уж шахтёру не поддержать другого

шахтёра – это верх неприличия. Свен твёрдо решил, что напомним Кнуту об этом ещё не раз!

Вдруг всего в ста метрах вынырнула чёрная блестящая голова. На этот раз точно нерпа! Свен прицелился и неожиданно для себя промахнулся. От удивления он раскрыл рот. Хорошо, что никого нет рядом. Со ста метров способен промахнуться разве что слепой. Вот уж верно, если бы кто увидел этот выстрел, не обобрался бы позора.

Нет, что ни говори, а день сегодня точно не задался, будь он неладен!

Затем Свен понял, что его отвлекло и помешало точному выстрелу. Над озером летела, стремительно приближаясь, оранжевая точка. Она увеличивалась в размерах и неожиданно превратилась в парашют. Шквальный ветер нёс его горизонтально над землёй, раскачивая и не давая снизиться ни на метр. Человек на стропах болтался, вращаясь и брыкая ногами, будто пытаясь бежать по воздуху.

Свен раскрыл рот ещё шире, мгновенно позабыв и о нерпе, и о досадном промахе. Такое не каждый день увидишь. Да что там день! Такого он не видел ни разу за всю свою работу на Шпицбергене.

Не снижаясь, парашютист перетянул озеро, и ветер понёс его дальше, на горный хребет. Перед гранитными скалами ветер резко взмыл вверх, а купол парашюта врезался в отвесную глыбу и, мгновенно погаснув, заскользил к подножию. Свен рванул с места и погнал снегоход к оранжевому пятну

на сером снегу.

Запутавшийся в стропах и куполе парашютист лежал неподвижно, неестественно вывернув за спину руку. Из трепетавшего на ветру шёлка показался белый шлем с осколками разбитого плексигласа и глубокой вмятиной.

«Ему повезло, – причмокнул Свен, разглядывая ещё совсем молодое лицо в веснушках. – Если бы не шлем, голова бы всмятку! – затем он пощупал купол парашюта и расплылся в жадном оскале. – Прекрасный шёлк! И как много!»

Чтобы вытащить парашют, ему пришлось перевернуть тело лицом вниз. Показалась нога в высоком ботинке со шнуровкой вдоль всего голенища. Свен нервно отвернулся. Он не любил вида крови. Даже швырнув в волокушу убитую нерпу, потом долго оттирал руки снегом. Делал так, если на пальцы попадала всего лишь капля. А тут крови было куда больше. Да и от вида торчавшей сквозь прорезиненную ткань белой кости у него помутнело в голове. Ниже колена нога парашютиста поворачивала под прямым углом, красноречиво заявляя, что не так-то уж ему и повезло. Хорошо, если ещё жив.

Свен просунул пальцы под шлем, пощупал шею. Пульс – сильный и чёткий. Потом взгляд Свена упал на предплечье, и его лицо удивлённо вытянулось, когда он заметил бело-сине-красный шеврон. Русский! Свен-то был уверен, что это норвежский лётчик с Лонггира, свалившийся ему на голову уж непонятно с какой оказией! Но что здесь делать русско-

му?

А дальше в голове вихрем завертелись планы, один смелее другого. Да ведь ему несказанно подфартило. Не такой уж этот день и плохой! Скорее, даже наоборот. В воображении выстроилась пухлая пачка крон, и на душе потеплело, словно он получил премию за год вперёд.

Перекатив тело на волокушу и скомкав под него парашют, Свен помчался в посёлок. Первым по пути ему попался водитель погрузчика Мортен Йенсен. Мортен спускался по длинному деревянному трапу, ведущему от бара к подножию сопки. Заметив снегоход Свена, он побежал наперерез, смешно перепрыгивая через ступеньки и нетрезво размахивая для равновесия руками.

– Как охота, Свен?! – выкрикнул он, выбежав на дорогу и радуясь, что успел. – Опять вместо выдр палил по чайкам?

Свен, не глуша мотор, остановился и окатил Мортена презрительным взглядом. Он дал возможность Мортену заглянуть через борт волокуши и, вволю насладившись его глазами навыкате, небрежно заметил:

– Охота выдалась удачная. Вот, поймал русского шпиона. Не знаешь, где сейчас наш обидчивый Оле?

Мортен не ответил, попятился и вдруг, ничего не говоря, рванул обратно по трапу в бар.

– Дома, конечно! – сам себе ответил Свен. – Трётся возле своей дойной коровы!

Довольный сальной шуткой, Свен заржал и поехал по

утоптанному зимнику в жилой сектор посёлка. Это хорошо, что первым ему попался именно Мортен. Это трепло растрезвонит об его удаче всем без разбору. Через полчаса о Свене будут говорить даже уборщики-вьетнамцы.

Он подъехал к дому Оле и, зажав кнопку, долго пронзительно сигналил. К его удивлению, на террасу вышла Кристин. Меньше всего Свен хотел бы сейчас видеть именно её. Но Кристин вроде бы не обижалась и, взглянув на него, затем на волокушу, тревожно спросила:

– Что случилось?

– Где Оле? – вопросом на вопрос ответил Свен.

– В офисе.

– В офисе... – недовольно поморщился Свен. Сначала ему хотелось бы поговорить с Оле с глазу на глаз.

– А что случилось, Свен? – крикнула Кристин, заметив, что он собирается уехать.

– Да вот... поймал русского шпиона.

Он насладился ещё одной парой выпученных глаз и нажал кнопку стартера. Сейчас Кристин бросится названивать муженьку. Ну и пусть. Сюрприз уже не получится, зато не придётся его искать, бегая из кабинета в кабинет – сам выскочит навстречу!

Так оно и вышло. Когда он подъехал к зданию с вывеской «Store Norske», Оле его уже поджидал. И не он один. Заметив горящую фару снегохода Свена, Оле не выдержал и заземенил навстречу.

– Чего ты ещё натворил?

– У тебя есть связь с нашими вояками из Лонгьера? – сразу взял быка за рога Свен.

– С чего бы это? У них закрытые каналы.

– Тогда вызывай Бьёрна!

Бьёрн Карлсен был их радист. Если уж не по телефону, то по радиосвязи Бьёрн сможет установить связь с военными.

Оле подошёл ближе и увидел парашютиста.

– Свен, кто это?

– Русский.

– Русский?!

– Сомневаешься? Взгляни на флаг на рукаве.

– Он живой? Ты что, его убил?

– Я к нему не прикасался! Просто для прыжков он выбрал не ту погоду.

– Ему нужен доктор! – вдруг выкрикнул Оле, увидев окровавленную ногу.

– Плевать на доктора! Послушай, я взял в плен русского шпиона и уверен, что за это мне полагается солидная премия! Я буду не я, если не вытрясу её из наших ребят с золотыми погонами.

– Ты с ума сошёл? Какой плен? Мы с русскими не воюем!

– Да что ты говоришь? – скорчил ехидную физиономию Свен. – Почему же тогда с каждого экрана каждый долбаный день нам твердят, что самые плохие в мире парни – это русские. Оле, я поймал плохого парня и хочу, чтобы мне за

него заплатили! Чего тебе ещё непонятно?

Вдруг в постепенно подтягивающейся толпе Свен заметил радиста.

– Бьёрн, быстро запускай свою аппаратуру! – выкрикнул он, вмиг потеряв интерес к Оле и переключившись на Карлсена. – Свяжись с вояками и скажи им так: Свен Эйнар поймал русского шпиона! И если они хотят его получить, то пусть говорят только со мной! Ты меня слышал?! А если слышал, тогда почему ты ещё здесь?

– Не ты здесь командуешь, – недовольно буркнул Бьёрн, покосившись на Оле.

– С военными связаться нужно, – Оле неожиданно согласился. – Но скажи им так: у нас находится раненный русский лётчик. И спроси, что нам с ним делать? А сейчас позовите доктора, пусть он его осмотрит.

– Ну уж нет! – Свен попятился, загораживая собой волокушу. – Решил забрать всё себе? Перебьёшься! У тебя и так оклад – не со мной тягаться. Бьёрн, передай им слово в слово, как я сказал.

Проигнорировав Свена, радист кивнул Оле:

– Сейчас свяжусь.

Проводив взглядом его спину и увидев появившегося доктора, Оле снова взялся за Свена.

– Отойди. Пусть Андерс его осмотрит. Свен, не зли меня, – добавил он, заметив, что тот потянулся к карабину.

– Чёрт с вами! – обиженно уступил Свен, принявшись пе-

переза́ть стро́пы. – Но парашю́т мой! Нашё́ю из него́ сумо́к, бу́дете у́ меня́ бра́ть по́ два́дцать ба́ксов за́ штуку́!

Небре́жно его́ отстра́нив, до́ктор подошёл, склони́лся, во́друзил на́ нос о́чки и осто́рожно пощупа́л но́гу, раздвину́в во́круг ра́ны обрыва́нки ко́мбинезо́на.

– О́ткры́тый пере́лом бо́льшебе́рцовой ко́сти! – гро́мко о́бъявил он, что́бы его́ слы́шал не то́лько О́ле. – Ме́лко-оско́льчатый, с по́врежде́нием мя́гких тка́ней. У́ него́ боле́вой шо́к. Не исключа́ю тя́жёлое сотря́сение мо́зга. Его́ ну́жно сроч́но ко́ мне на́ опера́ционный сто́л!

– Но́ я бу́ду ря́дом! – со́гласи́лся С́вен, за́пуская́ дви́гатель.

– Ни́какой во́локуши́! – бро́сил на́ него́ гне́вный в́згляд до́ктор. – То́лько на́ носилка́х!

– Послу́шай, А́ндерс, – хмы́кнул С́вен. – Я́ провё́з его́ та́к де́сятко́ киломе́тров. Ни́чего с́ ним не́ ста́нется, е́сли провезу́ е́щё сто́ метро́в.

– Ты́ меня́ слы́шал? – в го́лосе до́ктора за́звуча́ла угро́за. – Се́йчас при́несут но́силки.

– Да́ дела́йте, что́ хоте́те! – сплю́нул С́вен. – О́! А́ вот и́ уша́стый Б́ё́рн! Ка́к та́м на́ши во́яки?

Прои́гно́рирова́в его́ и на́ это́т ра́з, ра́дист, не́ скрыва́я во́лнения́, о́брати́лся ќ О́ле:

– Я́ связа́лся!

– И́ что́?

– О́ни зна́ют о́ нём! Да́вно и́щут и́ благода́ря́т на́с за́ по́мо́щь.

– Эта помощь обойдётся им в кругленькую сумму! – не сдержался Свен. – Ты сказал им, что это я его нашёл?

– Нет, не сказал. Оле, дело в том, что они не могут при-
слать за ним вертолёт – метеослужба не рекомендует. Надви-
гается буран. Но они были бы очень нам признательны, если
бы мы отправили его к ним на своём вездеходе.

– Об этом не может быть даже речи! – сказал как отрезал
доктор.

Но его перебил Свен.

– Буран? Да где ещё этот буран? Им тут лететь полсотни
километров!

– Не полсотни, а почти сотню, – поправил его Оле. – И
потом, ты слышал, что сказал Андерс?

– А ты слышал, что тебе сказали из Лонгьира? Вот и не
строй из себя пуп Земли, а выполняй.

– Я не буду рисковать ни своими людьми, ни чужими, ни
вездеходом. Пройдёт буран, пусть забирают. Он мне даром
не нужен. А пока мой ответ – нет!

– Ах, так! Тогда я сам его отвезу! До Свеагрува проско-
чить успею, а дальше дорога лучше будет! Андерс, отой-
ди! А ещё лучше, замотай его, как был. Я это серьёзно! И
принесите мне ещё одну канистру с бензином! Путь у нас не
близкий!

И чтобы никто не сомневался в его решимости, Свен мно-
гозначительно положил карабин на плечо, потянувшись к
кнопке запуска двигателя. Доктор не шелохнулся, тогда Свен

оттолкнул его и дёрнул полотнище парашюта, накрыв лётчика с головой.

– Бьёрн, тащи свою задницу к своей чёртовой рации и скажи на Лонгьир, что я им сам привезу русского! Но теперь ставки повышаются. Моя поездка обойдётся им по повышенному тарифу!

Свен не ожидал, но радист неожиданно его послушался.

– Свен Эйнар! – вдруг перешёл на официальный тон Оле. – Отойди от снегохода и положи оружие!

– Да что ты? И что ты со мной сделаешь? Тут ведь вот такая незадача, дорогой мой Оле Дэвик – закон сейчас на моей стороне. Я выполняю указание военных. А вдруг это приказ самого министра обороны? Так что это лучше вам не путаться у меня под ногами.

Показалось, что по лицу Оле пробежала мимолётная тень сомнения. Почувствовав победу, Свен язвительно улыбнулся. Оле – законопослушный клерк, пусть даже высокооплачиваемый. И пугать его нужно не карабином, а буквой закона. Надо было Свену сразу с этого начинать. Он снисходительно похлопал по плечу так и не отошедшего от волокуши доктора и склонился над раненым лётчиком.

Склонился и застыл в дурацкой позе, расставив, как курица на насесте, в стороны руки и вжав в плечи голову. В первое мгновение никто ничего не понял. Лежавший лицом вниз пилот вдруг резко обернулся, и теперь в лоб Свену упёрся пистолетный ствол. Исказившееся гримасой боли ли-

цо летчика говорило, что этот выпад стоил ему немалых сил, но решительность в глазах раненого читалась куда сильнее, чем у Свена. Свен же, напротив, вдруг сник и, вымученно улыбаясь, медленно отложил в сторону карабин. Он хотел сказать, что всё осознал и даже сожалеет, но слова предательски застряли в горле.

Первым опомнился Оле.

– Эй, эй! – сделал он осторожный шаг в обход снегохода. – Вам ничего не угрожает. Прошу вас, успокойтесь.

Конечно же, его не поняли. Как и Оле не понял, что выкрикнул пилот. Но его палец, выбравший свободный ход курка, заметили все. И в первую очередь, Свен.

– Никому не дёргаться, – взмолился он шёпотом, неудобно застыв на одной ноге.

Минуту никто не шевелился и не издавал ни звука. Наступила безвыходная ситуация. Обе стороны друг друга не понимали, но при этом одна сторона явно демонстрировала, что ещё мгновение и она откроет стрельбу, а другая ей охотно верила.

И опять первым нашёлся Оле.

– Приведите Трофимова, – шепнул он за спину.

Следующие пять минут, пока искали разнорабочего Трофимова, показались вечностью. Свен старался даже дышать через раз, чтобы не спровоцировать выстрел. Внезапно он представил, как пуля вдребезги разносит его череп, и, не выдержав, всхлипнул, а затем и вовсе беззвучно разрыдался, не

в силах отвести взгляд от чёрного отверстия, уставившегося ему точно между глаз.

Когда привели работавшего у них русского, никто уже не смог скрыть облегчения, и по застывшей полукругом вокруг лётчика толпе пробежал сдавленный вздох.

– Скажи ему, что у нас нет оружия и ему ничего не угрожает, – шепнул Оле.

Услышав русскую речь, лётчик удивился, затем спросил:

– Ты кто?

– Фёдор Трофимов.

– А что здесь делаешь?

– Работаю, – сконфуженно ответил Фёдор, оглянувшись по сторонам. К такому вниманию со стороны своих новых работодателей он явно не привык. – Где чего приколотить, просверлить...

– Понятно. Как здесь оказался?

– Когда наши шахты закрыли, я остался.

– Остался... – процедил сквозь зубы Макс. – Не остался ты, а перебежал! Кем раньше был?

– Бригадиром.

– Был бригадиром, а теперь гвозди для туалетной бумаги прибиваешь?

– Док просит сказать, что тебе нужна срочная помощь.

– Пошёл ты вместе со своим доком! Скажи им, чтобы немедленно связались с нашим кораблём. На международной сто двадцать один и пять!

Трофимов перевёл, затем сконфузился ещё больше.

– Тут видишь, какое дело. Для начала они просят тебя спрятать пистолет, а потом уже договариваться об остальном. Сам понимаешь, под прицелом какие могут быть переговоры?

– Я не переговоры с ними веду, а требую, чтобы обо мне доложили на российский корабль, – недовольно проворчал Макс, но табельный «Стриж» опустил. – Возьми карабин двумя пальцами за ремень, – кивнул он Трофимову, – и положи рядом со мной.

Дождавшись, когда тот всё исполнит, Максим наконец взглянул на ногу. Нога онемела, острая боль перетекла в тупую и ноющую, но вполне терпимую.

– Доктор говорит, если ты не дашь себя лечить, то потеряешь ногу, – затянул старую песню Трофимов. – Послушай его, он мужик грамотный.

– Кто из них радист?

Трофимов оглянулся на Оле Дэвика, перевёл вопрос и потупился.

– Ну?

– Его нет. Он болен.

– Что?! – приподнялся Макс, облокотившись о борт волокуши. – Это кто? – указал он стволом на Свена.

– Всего лишь шахтёр. Вроде бы как это он тебя спас.

– Понятно. Скажи ему, что он может выпрямиться, но никому никуда не отходить. Руки держать перед собой, в кар-

маны не прятать! А кто из них главный?

Трофимов не ответил и опасливо отступил на шаг.

– Так кто, Федя?!

– Он запретил мне на него указывать, – еле слышно выдавил в ответ Трофимов. – Не губи. Если покажу, меня выгонят!

– Ты debil? – Макс с интересом посмотрел в его бегающие глаза, затем поманил пальцем. – Послушай меня, землячок. Их самолёт вогнал мне под хвост ракету, и ты считаешь, что после этого я буду с кем-то здесь миндальничать и играть в прятки? Покажи их главного и скажи ему, что если мне не обеспечат связь с кораблём, я, не задумываясь, отстрелю ему яйца! Если не покажешь – начну с тебя.

Бывший бригадир побледнел и скопился на Дэвика одними глазами.

– Я тебя понял, Федя – улыбнулся Макс, переведя ствол на Оле. – А теперь скажи ему насчёт радиста. И подчеркни, что насморк радиста меня не интересует! Мне интересно, чтобы через минуту он обеспечил мне связь.

– Он говорит, что у них ни с кем нет связи.

– Ты, наверное, ему плохо объяснил. Или хитришь. Давай, Федя, включай мозги да проявляй дар убеждения. А если не понял, то, как положено в таких случаях, я начну считать до трёх. Но учти – считаю скороговоркой, а палю очередями.

– Да послушай ты, – вдруг взмолился Трофимов. – Я-то что! Я тебя прекрасно понимаю! Но и ты меня пойми! Я

здесь червяк – раздавят и не заметят. Тебе легко пистолетом размахивать. А мне здесь прижиться нужно, потому что в Россию мне дорога закрыта.

– От чего ж так?

– Есть грех, – вздохнул Трофимов.

– А точнее?

– Проворовался я.

– На много?

– Да уж немало.

– Ладно, до этого мне дела нет. Теперь покажи, кто из них радист?

– Его здесь точно нет.

– А был?

– Был. Такой лопоухий, с жиденькой бородёнкой.

Максим скривился от боли, и Трофимов тут же засуетился, поправляя скомканный под поломанной ногой парашют.

– Вот и я о том же. Дай доктору хотя бы вколоть тебе обезболивающий.

– Отвали, – отмахнулся Макс. – Так говоришь, прячут от меня радиста? Почему?

– Слыхал краем уха, что есть у них насчёт тебя указание, – склонившись и прикрыв рот, зашептал Трофимов. – Вроде бы как хотят тебя сначала к военным, а потом на материк отправить. Если бы не ждали бурана, то уже отправили бы. А вот зачем, не спрашивай, потому как не знаю.

«А тут и гадать нечего, – задумался Макс. – Вляпался я

по самое не балуйся! Такой козырь дал вероятному противнику. Будут теперь возить меня как обезьяну в клетке, на камеры снимать да по всему миру показывать, вот какая-рассякая, мол, Россия подлая и коварная. Прёт от неё опасность не шуточная. Нарушает чужие границы, вторгается в чужие земли. А кто не верит, так вот вам доказательство – русский лётчик капитан Максим Королёв, собственной персоной. Сбитый не где-нибудь, а над Шпицбергом! Над исконно норвежской территорией».

Оле Дэвик воспользовался возникшей паузой и, тронув Трофимова за рукав, шепнул:

– О чём ты с ним так долго говорил?

– Уговаривал отдать оружие и лечить ногу.

– Правильно, правильно, молодец, – часто закивал Оле. – Ещё скажи ему, что если он хочет есть, то мы накроем прекрасный стол. У меня даже есть бутылка вашей водки!

Неожиданно сквозь ползущие над сопками облака донёлся низкий гул. Он нарастал, постепенно превращаясь в режущий уши свист. Свен с Оле переглянулись, одновременно подумав об одном и том же. На вертолёт не очень похоже, но, может, с Лонггира прилетел истребитель? Сесть ему здесь негде, но возможно, военные таким образом хотят показать, что помнят о них и скоро придут за русским?

Самолёт появился, но что-то показалось в нём Свену странным. Он шурился, прикрываясь от ветра рукой, напрягал глаза, а когда сине-серые крылья, покачиваясь, пронес-

лись над головой, он вдруг понял, что в самолёте не так. Вместо привычных кругов острыми лепестками на концах крыльев горели красные звёзды. Прижимаясь под облаками к земле, самолёт сделал над посёлком один круг, потом пошёл на второй. Пронёсся над козырьками крыш, оставив за собой струю горячего воздуха, и полетел к заливу.

Увидев корабельный штурмовик Су-25тг, Макс радостно захохотал и спрятал пистолет в нагрудную кобуру.

– Федя, переведи, что если им что-то и досталось, то это от дохлого осла уши. Но уж никак не капитан Королёв!

– Это наш? – восхищённо раскрыл рот Трофимов.

– Не ваш, а наш. Ваш вы на кроны променяли.

Над заливом Су-25 сделал небольшую горку, и от брюха у него отделилась тёмная точка. Падая, она скрылась в воде недалеко от берега, и вдруг по ушам мощно ударило взрывной волной. Не успел осесть столб воды и дыма, а самолёт уже исчез в облаках, утащив за собой и раскатистый рёв, и тонкий белый след.

– Что он сделал? – инстинктивно пригнувшись, не на шутку разволновался Оле.

– Сдаётся мне, что бросил бомбу, – почесал в затылке Свен.

– Бомбу?! Зачем бомбу? Что это значит? Трофимов, спроси, зачем он это сделал?

– Предупреждение, – ехидно улыбнулся Макс.

– Предупреждение? О чём?

– Да что же здесь непонятного? Красноречивее не сказал бы даже Цицерон. Они знают, где я. И если что-то со мной случится, то ваш фанерный городок превратится в гору щепок.

Оле был потрясён.

– Они действительно могут это сделать?

– Хотите проверить?

– Да блефует он! – вдруг взорвался Свен. – Неужели ты ему поверил? Никто нас не тронет. Это же будет война!

– А не ты ли взял его в плен, как врага на войне? – окатил его презрительным взглядом Оле. – Помолчал бы.

Свен смутился, но ненадолго.

– Погодите! А как они узнали, что он здесь? Кто-то им сообщил! Оле, это сделал Бьёрн!

– Заткнись. Бьёрн не такой идиот, каким ты его пытаешься выставить. А вот я знаю форменного идиота, который, прежде чем притащить в посёлок русского, не додумался вытащить у него пистолет и снять аварийный маячок!

– Да я... – густо покраснел Свен. – Да он еле живой был. И откуда мне знать, что там на них навешено? Я шахтёр, а не лётчик.

Оле безнадёжно махнул рукой:

– И что ты мне теперь прикажешь делать?

– Срочно вызывай наших! Пусть прилетают, воюют, защищают нас. Это их долг, им за это платят.

– Уже прилетели, да не те, – мрачно процедил сквозь зубы

Оле. – Может, потребуешь выкуп с русских? Тебе ведь всё равно чем брать? Сгодятся и рубли?

Много бы ещё чего хотел сказать Свену Оле. А ещё лучше – дать бы хорошего пинка, да так, чтобы остановился Свен уже на материке. И с такой рекомендацией, чтобы его не взяли даже на уборку мусора. Но, на счастье Свена, появился Бьёрн. И судя по озадаченному лицу радиста, ему было что сказать.

– Ну? – угрюмо взглянул на него Оле, приготовившись к самому худшему. – Что ещё случилось?

– Со мной на связь вышли русские.

– Ого! Чего хотят?

Бьёрн указал взглядом на Максима:

– Они выслали за ним вертолёт. Скоро он будет здесь.

– Эй, Бьёрн, какой ещё к чёрту вертолёт? – не унимался Свен. – Это невозможно! Ты же слышал, что метеослужба передала? Ты сказал русским, что нас вот-вот накроет буря?

– Сказал.

– А что они ответили?

– Тебе их ответ передать дословно?

– Да уж сделай милость!

Бьёрн безразлично пожал плечами и сплюнул сквозь зубы:

– Срать они на него хотели.

Sy-35

Глава вторая

Я – лётчик

5 июня 2020 г. Военно-морской госпиталь, г. Североморск.

Сквозь щелку в набрякшие и с трудом разлепленные веки белым светом пролез вытянутый плафон. Сияющий чистотой, молочный ребристый плафон на таком же белом стерильном потолке. А в плафон, словно пушечный ствол, направлена замотанная бинтами гипсовая труба с прицелом из двух растопыренных пальцев. Макс раскрыл глаза и попытался двинуть подвешенной на растяжках ногой. В ответ резануло болью, непроизвольно вырвался слабый стон.

– Сосед, ты очухался?! Ну, наконец-то!

Кто это? Голос растянутый, слова ватные, в гудящую голову пробиваются с трудом.

– Я уже тебя и зову, и гипнотизирую, и кровать трясу, чтобы очнулся, а ты – никак! Эй, я здесь!

Странно... Максиму показалось, что голос звучит слева. Кое-как повернувшись вправо, он увидел точно такую же, как у себя, белую, с мачтами кронштейнов кровать у окна, а на ней, как и у него, нацеленную в потолок гипсовую ногу. Против солнца лицо никак не получалось рассмотреть, оно

расплывалось и сливалось с цветастой подушкой.

– Ты как, нормально?

– Мутит.

– Это от наркоза! У меня так же было. Рыжий, дурак, мне вместо одного шприц-тюбика промедола, спьяну вкатил всё, что у нас было в аптечке. Так я тоже уже только здесь очутился. Ничего не пойму, в голове барабаны, нутро выворачивает, было бы чем, так точно бы облевался!

– Какой ещё Рыжий?

Зрение, наконец, сфокусировалось, и он увидел румяную, круглую физиономию с хитрыми прищуренными глазами.

– Да зам мой! Хороший парень, но как чуть выпьет, так дурак дураком.

– Давно я здесь?

– Вчера привезли. Всё тебя туда-сюда катали. То в операционную, то назад, в палату. А я тут уже месяц! Представляешь?! И всё время один. Тебя как увидел, так чуть с кровати не прыгнул! Как зовут?

– Максим.

– Ух ты! Считай что тёзки. А я Миша.

Макс покосился на соседа с подозрением. Тёзки? Где логика? Если только на одну букву?

– Заметил, что у нас даже ноги одни загипсованы? Правые!

Чувствовалось, что одичал Миша в одиночестве не по-детски! Теперь из него пёрло как из прорванной дамбы.

– Газеты уже все перечитал и по диагонали, и задом наперёд! Журналы даже женские, что у медсестричек отобрал. Кто-то из докторов в тумбочке забыл справочник по кишечным инфекциям – так я и его осилил! Ты даже не представляешь, какая всё-таки мерзость эти палочки.

– Что с ногой? – дабы не выслушивать, какая мерзость кишечные палочки, и с трудом поймав паузу, Макс сумел вставить вопрос вежливости.

– А... это? Ха-ха-ха! Это я на День победы столб вырубить хотел! Ты же понимаешь, что на Девятое мая сам бог велел боевые сто грамм поднять? Я эту дату строго чту, ещё и соседа с его замом позвал. Часть у меня маленькая – склад ГСМ в Рогачёво. Я, заместитель, три прапорщика да матросов два десятка. А у соседа склад вооружения. У нас с ним один на двоих забор из колючей проволоки. На Новой Земле, куда ни глянь, всюду тундра, так что соседи в цене. Праздновали у меня. Разумеется, что ста граммами не обошлось. Поначалу дегустировали, чей спирт лучше. Потом, чей склад важнее. Этот вопрос у нас всегда при встрече встаёт. А когда поняли, что пора освежиться, то вышли искать сугроб повыше. Самый верный способ – если чувствуешь, что перебрал, то головой в сугроб. Возьми на заметку. Но главное – проверь, чтобы чистый был, без жёлтых художеств. А потом вдруг Радик, это сосед мой, татарин, вспомнил, что в детстве занимался борьбой. Давай он мне какой-то приём показывать. Ну а я-то как могу в долгу остаться? Припомнил, что занимал-

ся карате, – Миша на секунду задумался. – Или не карате? Давно это было, ещё в школе. Но сделал я всё как положено. И «Я-я!» на выдохе выдал, и подпрыгнул хорошо, а потом с размаху ногой в бетонный столб. Поверишь – мгновенно протрезвел! Орал так, что, наверное, всех медведей с земли в море согнал. Если бы ещё Рыжий не вспомнил, что он когда-то медицинские курсы проходил, то я, наверное, смог бы рассказать, как меня сюда доставили. А так, под промедлом, ничего не запомнил. А у тебя как с ногой вышло?

– У меня? – Макс протяжно вздохнул. – А у меня свой столб на пути оказался.

– Понимаю... – хитро прищурился Миша. – Ещё один, страдающий лёгкой формой идиотизма? Значит, подружimsя. По трезвому или по пьяни?

– По трезвому.

– Это уже хуже. Ноги надо беречь. Вот у меня было...

– Миша, ты лучше расскажи мне, что в мире творится, – не очень деликатно оборвал его Макс. – Как там обстановка с норвегами? Не слышал?

– Откуда мне знать? Телевизор один на отделение, и тот для ходячих, в коридоре стоит. Обед привезут, спроси у сестры. Только ей эта политика, что мне её косметика. А ты чего вдруг норвегами заинтересовался?

– Да так... вообще интересно, что в мире происходит. Сегодня какое число?

– Пятое.

– Ого! У меня из памяти три дня выпали. Вдруг за это время война началась, а я не в курсе?

– Не началась! – засмеялся Миша. – Это бы я точно знал. Меня бы тогда даже без ног на мой склад вернули. Без моего керосина и солёры войны не начинаются. Помню раз... Или лучше давай я тебе расскажу, как меня в отпуске гадюка укусила! Хотел сэлфи с ней на шее сделать...

– Подожди! – взмолился Максим. – Пока я здесь валялся, ко мне никто не приходил?

– Здесь только сёстры да доктора ходят. Тебе кто из них нужен?

– Понятно, – вздохнул Макс. – Значит, и не приходил ко мне никто, и война не началась.

– Да что ты с этой войной прицепился? Ещё накаркаешь! С чего бы ей начаться? Из-за того, что тебе никто не принёс апельсинов? Так поверь мне – это не повод. Вот у меня было! Как-то мой боец завалил белого медведя. Вот где карусель началась! Похлеще твоей войны. Каких только медвежьих защитников ко мне в часть не повалило! И зелёных, и оранжевых, и серо-буро-малиновых. Каких только опусов они там не понаписали на тему «Мог ли матрос спастись, не убив медведя»? А ты знаешь, какая это тварь, белый медведь? Нет, ты не знаешь, что такое – белый медведь!

– Я знаю, кто такой белый медведь... – протяжно застонал Максим. Ему вдруг показалось, что раньше он непростительно не ценил тишину. И теперь она обиделась, ушла, а

чтобы он понял ей цену, в наказание подсунула ни на минуту не умолкающего соседа.

– Откуда вы его здесь, на Большой Земле, можете знать? – не унимался Миша. – У вас тут, кроме бакланов на мусорках, и нет никого. А вот у меня к контейнерам для мусора медведи как к себе домой заходят. Банки из-под тушёнки полизать да собак наших пожрать. Сколько не привозим, всех съедают. Собака для медведя – что для нас конфета. И хуже всего, что он её умнее. Покажется, подразнит и убежать! А ты только представь, как псину от гордости прёт! Сам медведь от неё удирает! Выбегает за колючку и за ним. А он её за сугробом поджидает. Так даже шерстью не поперхнётся.

– Что ж вы их не привяжете?

– А что от неё, от привязанной, толку? Она должна по всему периметру бегать, склады охранять, да если чего – гавкнуть погромче, чтобы часового позвать. Да ладно собаки, сами виноваты, если мозгов нет. Мне главное, чтобы он этого самого часового не достал. А то ведь они людей не боятся. Мы тоже для них как конфеты. И в отличие от нас, мы у медведей в Красную книгу не занесены. А как льды начали таять, так они все на сушу попёрли. Раньше такого и в голову не могло прийти, чтобы медведи на матросов охотились! А сейчас обнаглели. Ракетницы уже не боятся, а стрелять их нельзя. Чуть что, так эти самые зелёные с меня самого шкуру снимут. Вот и скажи, Максим, как мне людей сберечь, если медведи нас ни во что не ставят, хозяевами считают себя, и

мы для них лишь вкусное звено в пищевой цепочке? И кто после этого из нас царь природы?

– Так ты матроса потерял?

– В том то и дело, что нет! – оживившись, Миша извернулся ужом и потянулся к Максиму, повиснув на растяжках. – Боец мой оказался не промах, хотя и переклинило его крепко после этого. Орал так, что челюсть вывихнул. А в руки расслабляющие уколы делали, не могли пальцы от автомата оторвать.

– Зачем же он за пределы части вышел?

– Не выходил он. За забором был. Ограждение у нас из колючей проволоки в два ряда. Только сдаётся мне, что медведь его даже не заметил – как сквозь нитки прошёл. В дальнем углу «Урал» наш стоял, а под капотом водитель возился, да с часовым болтали. А потом видят – к ним медведь скачет! Так водитель перемахнул через кабину и в кузов плашмя, а часовой, молодец, не растерялся. Он в него весь магазин разрядил. Хоть и орал, но бил точно. Зелёные, когда медведя вскрыли, так всего пять пуль недосчитались. Здоровенный, матёрый самец! Ходили с рулеткой меряли его прыжки. Восемь метров! В ста шагах от забора нашли лежбище. Так определили, что медведь неделю там за сугробом прятался, за нами наблюдал, да выслеживал. Только всем этим защитникам на это пофиг! Если бы ты знал, сколько они тогда моей крови попили. Я им говорю, что матроса награждать надо, а они мне в нос статьями тычут. Я им зубы и когти, а они мне

лекцию по охране природы! Сколько я тогда всяких рапортов, объяснительных, докладных исписал! Ты даже представить не можешь! Знаешь, что я тогда этому матросику сказал?! – Миша расхохотался и откинулся на подушку. – Лучше бы он тебя сожрал! Я бы тогда меньше бумаги перевёл. Если бы начальство сверху не вступилось, так ещё неизвестно, чем бы всё закончилось. А так спустили на тормозах. Но я бойца всё равно наградил – ящиком сгущёнки! И втихаря дал коготь у того медведя спилить, он его сейчас на шее носит. Я не возражаю – заслужил.

– Это правильно, – поддакнул Макс.

– А ты слышал, что норвеги предлагали в Арктику пингинов заселить? Давно пора! Может, тогда хоть от моих собак отцепятся? Вдруг пингины им вкусней покажутся? Как считаешь, понравятся медведям пингины?

– Понравятся, – согласился Максим, но мысли его были уже далеко.

Миша как легко увёл от тревожных дум, так же легко к ним и вернул. Интересные ребята – эти норвеги. Вот пингинов хотят к себе подселить, земель им не жалко. А за минутное нарушение границы – ракету в спину. Хоть бы кто подсказал – чем всё закончилось? Или всё только начинается? Макс помнил прилетевший за ним вертолёт хорошо, операционную на «Кузнецове» уже смутно, а дальше полный провал. Ни одной зацепки, ни знакомого лица, ни обронённого о происшедшем слова. Исчезнувшие из памяти дни не отпе-

чатались ни одним, хоть каким-то слабым намёком. По всей видимости, наркоза не жалели и для него.

– ...я говорю, по столынику за выстрел и стреляйте в мой «Ролекс»! А моим часам цена с этот самый столыник! – вдруг диким хохотом ворвался в мысли Миша. – И пока никто не рассмотрел, иду и вешаю их на столб.

– Весело там у вас... – невпопад произнёс Макс.

Как же он по-глупому подставился! Да ладно бы сам. Отделался ушибами, поломанной ногой, да и всех-то делов. Самолёт жаль! Но ещё хуже, что он своей выходкой вышел на такой уровень, что даже представить страшно! Подставил таких людей, что... что лучше бы провалиться ему от стыда вместе с этой кроватью, да на самый низ, в тёмный подвал. Чтобы никто не смог его там разыскать да бросить в лицо справедливое обвинение – кто доверил этому идиоту корабельный Су-33? Кто вообще когда-то решил, что он достоин летать? Где та глупая акушерка, что дала путёвку в жизнь этому существу с фамилией Королёв?

– ...ненцы к нам частенько наведываются. То олениа на обмен, то шкурки. Я одному говорю – привези мне...

– У тебя телефон есть?

– Хорошо б я жил, если бы у меня был телефон! – хмыкнул Миша. – Времени у меня на сборы не было. В чём был, в том в санрейс и запихнули. Тебе позвонить кому-то надо?

– Новости бы глянуть.

Как там у классика – полжизни за коня? Макс готов дать

столько же за последний номер газеты! Одним бы глазом по передовице пробежаться! Или взглянуть на новости в интернете. Не может быть, чтобы о нём не написали. Сам он телефон в полёт никогда не брал, о чем впервые пожалел. Как бы сейчас было кстати это маленькое, но такое информативное окно в мир. Он закрыл глаза, и опять поплыли под куполом облака. Ветер играл с ним, то подбрасывая вверх, то проваливаясь вниз к серым сопкам. А когда казалось, что ещё чуть-чуть и он побежит по их грязным склонам, он снова взмывал ввысь, в слепящий глаза снег. Мысли метались подобно ветру, нарушая череду событий и сваливая всё в одну кучу. Теперь Трофимов. Как он там сказал? Есть у норвегов на тебя планы. На материк хотят отправить. Если бы не буран, то уже отправили. Метеоролог сказал бы так: буран – всего лишь перетекание воздуха, вызванное низким или высоким давлением. А Макс наделил бы его мистическим свойством вмешиваться в судьбы людей, даря им надежду или же, напротив, её отбирая. Буран его покалечил, но он же дал спасительное время. А потом вдруг, вздымая тучи снега и хлопая лопастями, засветился изнутри прожектором. Как призраки из тьмы возникли морпехи с разрисованными лицами, в лихо заломленных беретах. На фоне их теней пролетают мимолётной немой картиной перекошенные ужасом шахтёрские лица. Рождённые бураном демоны хватают Максима со всех сторон и через мгновение исчезают. И всё! Будто и не было ничего. Не более чем игра всё того же таин-

ственного бурана.

– У вас, на Новой Земле, наверное, частенько метёт?

Макс прислушался. Миша подозрительно молчал. Только сейчас Максим обратил внимание, что давно уже не слышит смеющегося, тархтящего и фыркающего фона. Он повернул затёкшую шею и усмехнулся. После вынужденного молчания Миша быстро выдохся и теперь крепко спал.

Что там дальше? С того злополучного полёта прошло уже четыре дня. Почему его никто не терзает объяснительными? Никто не требует рассказать обстоятельства? Пожалели сломанную ногу? Хотят дать прийти в себя? Вряд ли. Мишу вон как за медведя мучили. А тут такое ЧП, и никого.

Макс покосился на висевшие над дверью часы. Время к обеду. Как привезут, нужно обязательно вытрясти хоть какую-то информацию. Пусть даже газету, но лучше бы выпросить что-нибудь с доступом в интернет.

За дверью, в коридоре, слышались шаги.

– Эй, кто-нибудь! – позвал Максим.

Прошли мимо. Он извернулся к своей прикроватной тумбочке и заглянул в ящик. Может, повезёт на какую-нибудь свежую газетёнку? Нет, пусто. Даже медицинского справочника, как у Миши, не оказалось. Макс повалился на подушку и застонал. Какая же это пытка – неизвестность! Чувствуешь, что заварил кашу, оказался в центре событий, но при этом находишься в полном неведении!

По коридору опять кто-то шёл, и не один. Как минимум

двое тихо переговаривались, приближаясь к его палате. Ещё чуть-чуть и пройдут мимо.

– Да зайдёт ко мне, в конце концов, кто-нибудь?! – заорал Макс. – Или я в пустыне?!

Дверь открылась, и он вдруг понял, что мог бы и не орать. Потому что на этот раз целенаправленно шли к нему. Первым вошёл доктор, в накинутом халате поверх кителя. А за ним... за ним Гена Шатов! Чёрт, кто бы мог подумать! Макс затрясся на растяжках, как узник на колючей проволоке. Геночка Шатов! Генка-Крокодил! В жизни не смог бы представить, что встретит здесь Гену, но от этого радость была ещё больше.

– Ге-ена-а! – глупо улыбаясь, затащил Макс. И чтобы удостовериться, что это не навеянный наркозом мираж, ещё глупее спросил: – Ты-ы?

В ответ Гена сдержанно кивнул, затем не выдержал и подмигнул. Покосившись на спящего Мишу, он обратился к доктору:

– Было указание, чтобы его положили в отдельную палату.

– В отдельных палатах от полковника и выше, – возразил доктор.

– Не тот случай, – парировал Гена. Затем, не взирая на то, что у него всего лишь капитанские погоны, а у доктора погоны гораздо выше, повелительно указал на дверь. – Оставьте нас.

Как же изменила Гену новая служба! В глазах сталь, в го-

лосе свинец. Что ни слово, то пудовая гиря! А ведь из их троицы он был самый скромный и тихий. В отличие от взрывного Макса и обидчивого Кирилла, удивительно непробиваемый, с нервами, обтянутыми шкурой носорога. Плюс к этому из них самый умный и с ошеломляюще феноменальной памятью. На спор Гена дважды читал таблицу выигрышных облигаций, затем, не подглядывая, воспроизводил её вслух, ни разу не ошибившись ни в одной цифре. А ещё неплохо играл на гармошке, за что, по совокупности с именем, получил прозвище – Крокодил. В военном училище Гена был звездой. Никто не сомневался, что с такой памятью Шатов непременно станет генералом. Такой феномен незамеченным остаться не может. Заметили, да не те... Макс долго не мог простить Гене преданное небо. Но как бы там ни было, дружба взяла верх, и он смирился.

Следующим в их трио числился Кирилл Катков. Каток из них был самый видный. Крепкий, скуластый, рослый красавец, за что и поплатился, вернувшись из очередного отпуска с молодой женой. Макс же не мог похвастаться ни эффектной внешностью Кирилла, ни ясной головой Гены. Невысокий, с фигурой, склонной к полноте, круглолицый, нос – кнопкой, да к тому же веснушки по лицу рассыпались, как семечки по подсолнуху. Потому на его свободу холостяка никто не посягал, а он поиски спутницы жизни постоянно откладывал до лучших времён. Гена разделял его взгляды, но совсем по другой причине.

Их дружбе удивлялись многие. Такая непохожая друг на друга троица неожиданно слилась в чудной, но поразительно крепкий сплав. Когда дело подошло к выпуску, для них наступило тяжёлое испытание. Россия – страна огромная, и получив распределение по разным её концам, можно больше никогда в жизни и не встретиться. А потому решили брать судьбу в свои руки. Факультет морской авиации готовит лётчиков для четырёх флотов. Гена, закончив училище с красным дипломом, имел право выбора. Рассудив так, чтобы была возможность служить им всем вместе, он предпочёл Северный флот. Как самый стремительно развивающийся и требующий всё новых и новых лейтенантов. Вслед за ним начали забрасывать рапортами отдел кадров Максим и Кирилл. Сработало. Пусть и не в одном полку, но все они оказались на Северном флоте. Каток попал на самый северный аэродром России «Нагурское», расположенный на острове Александры архипелага Земля Франца-Иосифа, осваивать только поступившие истребители Су-35. Макс стал палубником. А вот с Геной история особая. Судьба его сделала удивительный разворот. Когда, ни о чём не догадываясь, он прилежно служил, осваивая северное небо и строя честолюбивые планы на будущее, в полк неожиданно приехали два хмурых типа. Выставив командира полка из его собственного кабинета, они пригласили туда Гену. Долго беседовали. И как результат, будто заразили Гену инфекцией угрюмости, потому что неожиданно начал хмуриться и он. Неделю хо-

дил мрачный, ни с кем не делился, а потом, как гром среди ясного неба, заявил:

– Мне было сделано предложение, от которого не принято отказываться. Дальше я буду служить в третьем управлении.

А это не что иное, как Военная контрразведка ФСБ.

И так бывает.

– Привет, палубник! – дождавшись, когда выйдет доктор, потряс пакетом с апельсинами Гена.

– Привет, Крокодил! – всё ещё не веря собственным глазам, расплылся в улыбке Макс.

– Я вот тут тебе принёс.

– Вижу. Ты примостись, где найдёшь. Можешь хоть на мою ногу. Она у меня крепкая, как садовая скамейка.

– Болит?

Гена поставил пакет на тумбочку, но сам остался стоять.

– Нет. Наркозом вся обколота, так что, подозреваю, самое весёлое у меня ещё впереди. Когда отойдёт. А ты апельсины принёс или по службе?

– Не болтай ерунды, – отмахнулся Гена.

Но по мелькнувшей на лице тени Макс понял, что к дружбе примешана и доля службы. Гена снова покосился на Мишу и процедил сквозь зубы:

– Забываются доктора. Придётся вложить начальству, чтобы на место поставили. Им чётко было сказано, чтобы поместили тебя в отдельной палате.

– Не нужно, – посмотрел на спящего Мишу Макс. – Ко-

нечно, молнию ему бы на рот пришить не помешало, а так мужик нормальный. С Новой Земли.

– Дело не в нём.

– Я тебя понял. Соображаю, зачем пришёл.

– Вот и хорошо. К тебе скоро народ валом пойдёт. Так что лучше бы без свидетелей.

– Понимаю, – протяжно вздохнул Макс. – Боюсь даже тебя спросить – как там?

– Да уж наломал ты дров.

– Гена, расскажи! Я же себя тут уже поедом съел. Ничего не знаю. Лежу и думаю – а вдруг я войну развязал?

– Война пока не началась, но дипломаты друг друга нотами протеста забрасывают. Тебе, Макс, повезло, что скандал раздувать не хотят ни наши, ни Норвегия.

– Почему? Наши – понятно. Но норвеги, я был уверен, вцепятся в это дело.

– Не так всё просто. Я не зря сказал, что ты везучий, – Гена подошёл к кровати Миши и пристально посмотрел ему в лицо. Спит человек или притворяется, он научился определять ещё на курсах переучивания контрразведчиков. Удовлетворённо кивнув, он продолжил: – Твоё нарушение границы никто не ожидал, и, прохлопав это дело, норвежская радиолокационная служба не сделала контрольные снимки экрана. Крыть им нечем. Самолёт упал в море. Чтобы доказать нарушение, его ещё нужно найти. Но дело даже не в этом. Для хорошей вони достаточно того, что есть. Дело в

том, что Норвегия не хочет выглядеть в неприглядном виде перед старшим братом. Брат им из-за океана деньги, технику, поддержку, а они так жидко обделались. Зато наши сработали чётко. Увели тебя из-под самого их носа. Вот и получается, что начни раздувать этот скандал, то больше реклама нам. А им – позор. Но это не значит, что нам такое простят. Разозлил ты их сильно. Теперь будут провоцировать и подавливать на любой нашей ошибке.

– Ну и на том хорошо, – выдохнул Макс. – Как-нибудь переживём.

– А ты не радуйся. Говорят, что когда тебя доставили на «Кузнецов», наш сверхосторожный Командующий флотом рвался в медблок, чтобы добить тебя собственными руками. Готовься, что скоро тебя начнут топтать. Выговоры, предупреждение о неполном служебном соответствии, всё как полагается.

– Да я готов.

Гена отсутствующим взглядом пробежался по палате, затем обернулся и впился в глаза Макса ледяными зрачками. Максиму показалось, что его нанизали на шампур. Пронизывающий взгляд пробрался пятернёй вдоль трахеи и пощупал холодными пальцами где-то между лёгких.

– Я вообще не пойму, зачем ты к ним попёрся?

– Как-то само собой вышло. Я-то был уверен, что мы в нейтральных вертимся! А он вниз и к себе. Честно говоря, я, когда за ним гонялся, на курс не смотрел.

– Тем более непонятно – зачем ты за ним гонялся?

– Гена, но ты же знаешь – это обычное дело! И мы их перехватываем, и они нас перехватывают! Ты наших бомбёров или разведчиков спроси. Они, когда в нейтральные воды выходят, так их с самого начала и до конца полёта эскорты сопровождают. И ведут себя далеко не по нормам международных правил. Под крылья подвешиваются, курс перед носом режут. А разве не было, что они наши границы нарушали? Было! Сам знаешь – в небе полосатых столбов не наставишь! Но мы всё списывали на навигационные ошибки и прощали.

– Прошли те времена, – вспомнив прошлую службу, Гена мечтательно закатил глаза и кивнул. – Теперь все по лезвию ходим. Всем известно, Арктика тает, и что раньше подо льдами было недоступно, теперь вскрылось. Газ, нефть, бери без проблем. Нужно только отжать. Вот и пытаются. А наше дело – защитить то, что имеем. Шестьдесят процентов арктических территорий наши, вот и упираемся, чтобы не потерять ни одного процента. Но Арктика им не достанется. Она наша. В её суровом климате – наша надежда. Обитателям «мировых теплиц» Арктика не по зубам.

– Да я ведь только за! – обрадовался Макс. – Ты тоже меня понимаешь? А я всегда говорил – Арктику поделят сильные! И сила наша не в дипломатических соплях, а в стальных кулаках! И кулаки эти нужно иногда сжимать и давать под нос понюхать. Ты не подумай, что то, что меня сбили, как-то меня сломало. И выговоры переживу. Вот ногу подлечу и снова

в строй.

Гена улыбнулся, потом бросил на Максима взгляд, полный тоски и сочувствия. Ни дать ни взять крокодил Гена с гармошкой, распеваящий об ещё одном прожитом годе.

– Очень не хотел с тобой об этом говорить, но придётся, – он кивнул на загипсованную ногу. – Макс, у тебя проблемы. Доктор говорит, что не исключено, что ты отлетелся. С лёгкой работы тебя спишут.

– Если это была шутка, то глупая, – натянуто засмеялся Максим.

– Не до шуток. Я знаю, что для тебя это значит, и никогда таким бы шутить не стал. Я не силён в медицине, но сейчас в твоей ноге не меньше, чем костей, натыкано титановых спиц. И как там срастётся, можно только гадать.

– Нормально срастётся!

– Дай-то бог. Я к тому веду, чтобы был готов ко всему.

– Даже думать о другом не хочу! – покраснев, Максим рывком поднялся на кулаках. – Да я лучше застрелюсь! Да я же, если мой костоправ не справится, у него ногу отдеру и себе привинчу! Да я... Гена, ну ты же меня знаешь?! Может, слышал песню – моя любимая! «Не чёрту, а небу я душу продал! Мне кажется, я от рожденья летал! Я-лётчик!» Это же как с меня списано.

– Эту песню я знаю. Мне тоже нравится. Но давай без лирики. Я хочу, чтобы ты знал – чем смогу, всегда тебе помогу. И ещё – у моей конторы к тебе претензий нет. Как толь-

ко узнали, что ты у норвегов, тотчас подняли всю твою подноготную. Даже выкопали то, что мы с тобой в одном котле варились да вместе на крыло становились. Потому меня к этому делу и подтянули. И я сразу за тебя, как за себя, поручился. Чтобы даже версию не отработывали, что ты мог оказаться перебежчиком, – Гена вдруг засуетился и направился к двери. – Ладно, Макс, у меня времени немного. Пока что к тебе доступ запрещён. Я эту нашу встречу и так с трудом выпросил. Под видом оперативной разработки протащил.

– Подожди! – заволновался Максим. Ему так ещё о многом хотелось расспросить. – Так быстро? Ещё придёшь?

– Обязательно. Выздоровливай.

– А как там Каток? Ты с ним давно связывался?

– У Катка дела не очень. Не нравятся его столичной жёнушке северные просторы. Чаще у мамы, чем с ним.

– Вот и женись после этого! Гена, да подожди ты! Принеси мне хоть какой-нибудьдохлый планшет или микрокомпьютер. Я же здесь с ума сойду.

– Сделаем, – уже в полузакрытую дверь заверил его Гена.

Дверь закрылась, а Макс в сердцах стукнул кулаком по тумбочке. Ну почему так устроено, что самую худую вестть тебе приносят самые близкие люди и лучшие друзья?!

БПК «Вице-адмирал Кулаков»

Глава третья

Как рвётся красная линия

22 июня 2020 г, раннее утро. Баренцево море.

В своё первое после глубокой модернизации боевое дежурство большой противолодочный корабль «Вице-адмирал Кулаков» вышел, успев лишь заправиться и пополнить запасы продовольствия. Ни о каком отдыхе экипажа не было и речи. Обстановка не позволяла. За полгода стояния в Питере на «Северных верфях» БПК обзавёлся противокорабельными «Калибрами» и новейшим комплексом ПВО «Редут», превратившись из узкоспециализированного противолодочника в корабль с неограниченным спектром возможностей. И теперь командование Северного флота беспощадно его эксплуатировало, закрывая возникавшие то тут, то там прорехи в обороне арктических границ. Две недели кряду гонялись за «наследившей» у берегов Новой Земли британской субмариной. Стоило выдавить её в Норвежское море, как тут же подкинули задачу по слежению поднявшегося в верхние широты американского крейсера «Тикондерога». Несколько раз американца тактически «уничтожили» сначала самостоятельно, потом совместно с авиацией. Затем у берегов Рыбачьего снова шумнула чужая лодка. Теперь норвежская. И

опять БПК сорвался сломя голову, прощупывая воду посылками гидролокатора. А когда выгнали норвежцев и забрезжила надежда, что наконец-то прикажут идти домой, командиру корабля Андрею Скорику принесли телеграмму с новой задачей. В глубине души он ждал подвоха и ничуть не удивился. Но когда пробежался по телеграмме глазами, почесал в затылке, потом перевернул жёлтый лист, надеясь на краткую приписку, что всё это розыгрыш. Уж слишком нетипичная ставилась перед ним задача – прикрыть противоздушным зонтиком район от острова Надежда до архипелага Земля Франца Иосифа. И никаких уточнений, времён, координат. Всего лишь несколько строк. Так боевые задачи не ставятся. Что всё это значит? Зачем? Откуда предполагается налёт? Какими средствами? И будет ли он вообще? Ожидается противодействие вероятного противника или это учения своих сил? Маловразумительный лепет заблудившегося в тумане ёжика! Хотя телеграмма была подписана Командующим флотом.

Скорик покосился на матроса, принесшего ему телеграмму.

– Это всё?

– Так точно, товарищ капитан первого ранга!

Он расписался в журнале за прочтение и, отпустив матроса, задумался. Вероятней всего, сейчас к этой телеграмме придёт дополнение. Редко, но так бывало. Кодировали в спешке и разорвали информацию на две части. Скорик све-

силлся с командирского кресла и обернулся на трап, ведущий с главного командного пункта вниз, к узлу связи. Сейчас матросик вернётся и принесёт вторую часть. Но вместо посыльного появился командир БЧ-4 и, склонившись к его уху, шепнул:

– Товарищ командир, вас вызывает Командующий флотом. Прикажете переключить на ГКП или спуститесь?

– Спускаюсь.

Тяжёлая трубка закрытой телефонной связи ЗАС привычно квакнула, изменяя до неузнаваемости голос. Скорик подождал, когда успокоится свист, и медленно произнёс:

– Командир корабля Скорик. Здравия желаю, товарищ Командующий.

– Андрей Петрович, ты мою телеграмму получил?

– Так точно, товарищ Командующий.

– Теперь детали послушай на словах. Завтра торжественный запуск нашей новой буровой вышки «Заразломная». Координаты тебе уточнят. Где-то восточней Надежды. На открытии будут представители из правительства, министерства энергетики, руководители нефтяной промышленности. От нас требуют, чтобы мы обеспечили безопасность. Сейчас выдвигайся в район на линии Надежда – ЗФИ и прикрывай буровую с воздуха. По пути установишь связь с лодкой «Гепард». Я Такмакову уже задачу поставил. Он будет обеспечивать прикрытие из-под воды.

И словно для того, чтобы обозначить паузу между офи-

циальной и неофициальной частью, Комфлота сделал передышку, затем даже искажённая связь не смогла скрыть его дрогнувший голос:

– Андрей Петрович, послушай меня внимательно. Прошу и требую – никаких провокаций! Наверняка там кроме вас будут тереться и англичане, и американцы, и канадцы. Да бог его знает, кто ещё там будет – это хоть и наш сектор, но воды нейтральные! Я уже не говорю о норвежцах. За всеми сле-ди, но не больше. Будут облётывать самолёты, так чтобы не вздумал пугать стволами или ставить помехи.

– Товарищ Командующий, уточните мои действия, если кто-то из них начнёт обозначать агрессивные акты в сторону буровой или корабля?

– Не поддавайся! Веди себя корректно. Не зли их. Я буду тебя регулярно вызывать – интересоваться обстановкой.

«Да ты уж меня достанешь, – подумал Скорик. – В этом я не сомневаюсь!»

А чтобы он действительно не сомневался, Комфлота вдруг сорвался на неофициальный тон и выплеснул ему душу в единственной фразе:

– Андрей Петрович, заруби на носу: лучше перебздеть, чем недобздеть!

«Эти слова можно сделать твоим вторым именем! – Скорик поморщился и отстранил заголосившую трубку. – А ещё неплохо – «Чуть-чуть» или «Почти». Показательно звучит – «Ничего не трогай». Даже свои страхи не доверил шифро-

ванной телеграмме, а решил сказать с глазу на глаз».

— Я вас понял, товарищ Командующий! — доложил Скорик, догадавшись, что разговор подошёл к концу. А услышав в трубке безответную тишину, недовольно проворчал: — Я не унитазом команду, чтобы мне бздеть. Я команду боевым кораблём.

БПК взял курс на север, и опять за кормой побежали мили. Море слегка штормило, и корпус поскрипывал, взбираясь на пенистые гребни, чтобы затем провалиться в разверзшуюся яму. Залетевшие далеко от берега чайки теперь искали спасение, спрятавшись от ветра за орудийными башнями, и в благодарность беспардонно гадили на выкрашенную суриком палубу. Скорик бездумно уставился через бронестёкла окон ГКП на трепетавший Андреевский флаг. Невольно накатила щемящая тоска. Сколько уж его демонстрировали по всему миру? Каких только морей не впитывал он соль. Нет таких морей, где бы он ни был! А у себя дома он должен стыдливо ходить по линии, а то вдруг его хозяйский шаг воспримут как провокацию? Может, прикажете тогда уж и флаг спустить, чтобы не резал никому глаза?

Скорик уныло вздохнул и подошёл к штурманскому прокладчику. Лист карты послушно полз под чертивший линию пути маркер. По левую сторону от проложенного курса синим изломанным многоугольником горели границы «серой зоны». Ещё одно доказательство, что если хочешь жить с

соседом по-дружески и чтобы он тебя уважал – не вздумай уступать ему свой огород, стыдливо делая вид, что не замечаешь, как он сдвигает забор.

На минутку... злополучная «серая зона» появилась не сразу. История её развития набирала обороты соразмерно освоению северных богатств. Поначалу скованный льдами север никому не был интересен, потом в один миг вдруг стал яблоком раздора для стран, многие из которых даже не имели к нему выхода. В 1920 году по Парижскому договору Арктику поделили на сектора, зачастую проводя границы по меридианам к полюсу. При разделе Норвегия получила суверенитет над Шпицбергенom, несмотря на то, что к его берегам посылал исследовательские суда ещё Михаил Ломоносов. Но дабы не обидеть русских и подсластить им горькую пилюлю, РСФСР сохранили право на ведение здесь хозяйственной деятельности. Попросту говоря – ловли рыбы. Создавшееся положение устраивало всех вплоть до 1977 года, когда Норвегия вдруг объявила, что она принимает одностороннее решение о расширении собственной рыбоохранной зоны на 200 миль вокруг архипелага Шпицберген, что означает закрытие всей западной части Баренцева моря для российских рыбаков. Огромная территория, размером с половину Германии, теперь объявлялась чужой экономической зоной. Не стоит говорить о том, что СССР даже не посчитал нужным отвечать на подобный выпад, сочтя его ничего не значащей декларацией. Как раньше ловили рыбу, так и дальше продол-

жали ловить. И никто не смел помешать.

Всё изменилось в смутные девяностые. Когда униженная и разорённая Россия стояла на пороге Европы с протянутой рукой в ожидании кредитов и просроченной гуманитарки и послушно кивала на все решения, сыпавшиеся на её несчастную голову из-за бугра, вот тогда Норвегия и вспомнила о своих притязаниях на богатые рыбой воды. Увы, государства это прежде всего – люди. И ведут они себя также. Кто-то слабый, подобно продажной женщине, в обмен на всё ищет себе защитника-сутенёра с крепкими кулаками. Кто-то, как бандит, не прочь отобрать понравившуюся вещь силой. А кто-то, как вор, поглядывает по сторонам в поисках – где чего плохо лежит? Вот так и Норвегия, почувствовав момент, в одночасье объявила себя местным полицейским Арктики. И начались так называемые рыбные войны. В один день норвежские СМИ превратили мурманских рыбаков в браконьеров, пиратов и варваров. Российские рыболовные суда арестовывались уже на подходе к рыболовным промыслам, даже не успев замочить сети. Их уводили в норвежские порты, подвергали унижительным досмотрам, облагали штрафами. В ответ Россия молчала. Каждый раз утиралась и молчала. Лишь бы не обидеть наглежащего соседа. Напрасно зывали к помощи наши рыбаки. Утопающая в политических вихрях Москва их не слышала. Продолжалось это до тех пор, пока у моряков, наконец, не лопнуло терпение. Сценарий был всегда один и тот же – обнаружить русский траулер, затащить в

свой порт, а дальше делай с ним, что хочешь.

Так было и в тот раз, октябрьским утром. Но неожиданно откатанный сценарий дал сбой. Увидев рядом со своим бортом норвежский патрульный катер, доведённый до белого каления капитан траулера «Электрон» послал его, используя весь колорит богатого русского языка, и, наплевав на угрозы, взял курс на родные берега. А дальше началась погоня. Поразительно, но тихоходное судёнышко, способное на надрыве двигателей выдавать всего 10 узлов, двое суток водило за нос четыре норвежских боевых корабля! Над «Электроном» кружились патрульные самолёты, вертолёты бросали перед ним сети, пытаясь запутать винты, а он пёр, не глядя ни на что и в ответ имея лишь возможность показывать кулаки да угрожать тараном. Дошли! Рыдали, когда увидели вышедший их встречать российский эсминец. Готовы были целовать родную землю!

Но увы... Родина их подвиг не оценила. Капитана судили, на два года отстранив от должности и обложив огромным штрафом. В мурманских газетах об «Электроне» писали в лучшем случае одной нейтральной строкой. Зато в Норвегии внимательно следили за позорным процессом, а когда узнали приговор, то восприняли его как сигнал к действию. Вот тогда начался такой беспредел, что хочешь не хочешь, а Москве пришлось как-то реагировать. Посовещавшись на уровне премьеров, спорную территорию взяли да поделили поровну. Одним росчерком пера Россия потеряла 175 тысяч

квадратных километров своей законной территории, богатой рыбой и месторождениями. И опять в российских СМИ это событие прошло незамеченным, а вот Норвегия праздновала победу. Но достигнутое соглашение – это всего лишь половина от того, чего хотелось бы. Разгоревшийся аппетит требовал продолжать и дальше давить на русских. Теперь начались обвинения в нарушении квот и нормативов ловли. Норвегия стремительно, на ходу меняла правила под себя: русские ловят тралами, а мы ярусами? Значит, вводим режим бестралового промысла! Русские меряют рыбный молодняк с хвостом? Отныне мерять без хвоста! И опять крайними остались рыбаки. И как прежде их объявили вне закона и навесили ярлык – браконьеры!

– Товарищ командир, разрешите? – оторвал от невесёлых мыслей командир боевой части связи.

– Да? – ответил Скорик, продолжая как загипнотизированный следить за пишущим вдоль синих границ маркером.

– В открытой сети русское судно вызывает на связь. Похоже, рыбаки.

– Нас?

– Кого-нибудь, кто слышит.

Скорик щёлкнул переключателем внутрикорабельной связи.

– БИУС, рыбаков наблюдаете?

– На траверзе, по левому борту, дистанция пятнадцать миль.

Значит, в «серой зоне». Опять эта «серая зона»! Словно Бермудский треугольник, притягивающая несчастья и голосящая призывами о помощи.

– Переключи на меня, – кивнул командиру БЧ-4 Скорик. – Дай послушать.

Слабенькая радиостанция едва пробивалась сквозь шум эфира обрывками фраз:

– ...Здесь рыболовное судно «Нерпа»! ...прошу на связь, кто наблюдает мою работу!

– Я БПК «Кулаков», – нажал тангенту Скорик. – Слышу вас на троечку. Чем могу помочь?

На другом конце произошло замешательство, затем уже другой голос забасил, срываясь на крик:

– «Кулаков», «Кулаков»! Мне не достать, а ты, если можешь, репетуй на берег: РТ «Нерпа» и ещё три судна арестованы норвежскими кораблями. Передай в пароходство – я ничего не нарушал!

– Что у вас происходит?

– Подошли два норвежских военных фрегата. Нам приказали застопорить ход и готовиться принять досмотровую группу! «Кулаков», если наблюдаешь меня на экране локатора, подтверди на берег, что я в нашем море! На их половину я не заходил! Обязательно это скажи, а то меня потом обвинят, что я нарушил границу лова!

«Тебя обвинят в любом случае, – подумал Скорик. – Норвежцы свалят на что угодно. На допотопную навигационную

систему траулера, на плохую подготовку штурмана у рыбаков, на... да хоть на неблагоприятно сложившиеся звёзды! Сейчас главное – затащить суда в Тромсё, а там сляпают любое дело. Для устранения конкурентов все средства хороши».

– «Кулаков», помоги! – взывала «Нерпа». – Свяжись с землёй, объясни, что мы задержаны незаконно!

Конечно, у БПК была связь с берегом. Можно было сейчас связаться с оперативным дежурным флота, объяснить обстановку, а он бы уже передал всю информацию в Мурманское пароходство, к которому приписана «Нерпа». Но у Скорика родился другой план.

– Так поможешь, «Кулаков»?

– Помогу.

А дальше командир БПК принял судьбоносное решение, которое историки будут изучать не один десяток лет. Одни, ругая на чём свет стоит, а другие, прославляя как единственно верное.

– Штурман, курс на рыбаков!

Четыре небольших, сплошь в ржавых потёках траулера жались друг к другу, перекрикиваясь сигналами ревунов. Команды в брезентовых робах высыпали на палубы и угрюмо разглядывали застывшие в одном кабельтов норвежские фрегаты с развёрнутыми в их стороны пушками. В раскачивающиеся на волнах у борта катера прыгивали военные мо-

ряки в спасательных жилетах и с автоматами на груди – досмотровые группы. А проще говоря, abordажные команды, задача которых загнать рыбаков в трюм, затем взять управление траулерами в свои руки.

Корабль береговой охраны «Сенья» занял положение восточней, отрезая путь к бегству, а его однотипный брат «Нордкап» южнее, держа на прицеле все четыре судна. Хотя по классификации НАТО они назывались скромно – патрульными кораблями, но имели весь комплекс вооружения, чтобы воевать с любым противником. Хоть на воде, хоть под водой, а то и в воздухе. Орудие – 57 миллиметров, пулемёты, противокорабельные ракеты «Пингвин», глубинные бомбы, в ангаре вертолёт. Прекрасная сторожевая рысь, бегающая вдоль границ леса и наводящая ужас на зайцев. Но это до тех пор, пока не появился медведь. Потому что тогда уже от ужаса встаёт дыбом шерсть у рыси.

Увлёкшиеся арестом рыбацких траулеров норвежские моряки слишком поздно заметили приближающийся «Кулаков». Тёмная точка на горизонте стремительно надвигалась, на глазах превращаясь в гигантское серое чудовище, несущееся со скоростью товарного поезда. Разгоняя в стороны огромные цунами, «Кулаков» прошёл тридцатиузловым ходом между норвежскими кораблями и рыбаками, разделяя их как плуг пашню! Подхваченные волнами досмотровые катера взлетели выше бортов фрегатов, только чудом не растеряв находившихся в них людей. Досталось и рыбакам, ока-

тив их с головой. Но увидев Андреевский флаг, они надрывно заголосили, швыряя в воздух шапки. Снижая скорость, «Кулаков» сделал изящный разворот и, вернувшись, остановился между своими и чужими кораблями, словно огромный айсберг, закрывая собой тюленей от зубов касаток.

«Нордкап» нервозно огрызнулся длинной протяжной сиреной.

— Есть у меня хороший совет, куда всунуть тебе твой гудок! — глядя на него сверху вниз, хмыкнул Скорик.

Командир «Сеньи», быстро оценив изменившийся баланс сил, не стал испытывать судьбу. Подняв на борт катера, он посчитал, что нет ничего зазорного в том, что его корабль ретируется восвояси, подыскивать более доступную жертву. Но командир «Нордкапа» оказался упрямцем. Он вышел на мостик и через бинокль долго разглядывал палубу «Кулакова», словно испытывая терпение. Хотя и враждебности он тоже не выказывал. Напротив, орудийная башня теперь была развёрнута на ноль, по-походному, чтобы русский, не дай бог, не подумал, что её ствол ему угрожает. Но и уходить он не торопился. Норвежский командир демонстративно сфотографировал название корабля. Бортовой номер 626 щёлкнул с разных увеличений. Возможно, у него было желание наделать снимков на пухлый альбом, но Скорик решил, что эту фотосессию пора заканчивать.

— Связь, они нас пытаются вызвать?

— Молчат, товарищ командир.

– Вот и мы не будем болтунами. Другой раз лучше показать, чем сто раз сказать.

Носовая орудийная башня БПК вдруг вздрогнула, повела огромным, не ровня норвежскому, стволом вверх-вниз, потом повернулась по горизонту и, будто нехотя, прошлась по «Нордкапу» от бака до кормы, позволив заглянуть в чёрное жерло орудия – ничего личного, всего лишь демонстрация силы. Экипаж норвежского корабля намёк понял. Неспешно, с чувством собственного достоинства, будто показывая, что вовсе не испугался, а вспомнил о срочных делах, корабль уходил. Выплеснул недовольство ревуном, а затем, забурлив винтами, помчался вслед за своим собратом. Всё говорило о том, что конфликт исчерпан. Теперь можно было вспомнить и о рыбаках. Тем более что самый крупный из них, траулер «Нерпа», пытается пристать к борту. Как только расстояние сократилось до размаха вытянутой руки, капитан траулера, лихо перемахнув через раскачивающийся борт, оказался на палубе БПК. Скорик спустился его встречать.

– Как ты его! – не шёл, а бежал навстречу капитан «Нерпы». – Пусть знают наших! Будь у меня чем, я бы ему сам под корму болванку всадил! Он мне, ирод, трал порвал!

Скорик невольно остановился. На него надвигался гигант, на две головы выше, в брезентовой робе, с растрёпанной огненной бородой и багровым обветренным лицом, изрезанным не то что морщинами, а бездонными бороздами. И судя по его скорости, он не собирался сбавлять ход.

– Здравствуйте, – Скорик протянул ладонь для рукопожатия, в слабой попытке остановить его на ближних подступах.

Капитан траулера проигнорировал руку и сгрёб его в охапку.

– Молодой какой! А я тебя таким по голосу и представлял! – продолжал он тискать, обдавая сильным запахом рыбы.

На боевом корабле командир – бог! И так бесцеремонно поступать с ним не позволено, даже из самых лучших побуждений. Скорик оглянулся на деликатно потупившихся и спрятавших улыбки подчинённых, затем кивнул на трап:

– Пройдёте ко мне в каюту. Чаю?

– А то! Но сначала, погоди, командир! Ты сейчас отправь своих моряков на корму, мои ребята подадут рыбу.

– Это лишнее, – слабо запротестовал Скорик.

– Ещё чего! Даже слушать не хочу! Чтобы дед Митрофан да не угостил своих защитников? Скажи пусть баки возьмут побольше! У нас уже вторые сутки треска без продыху прёт!

– Простите, а как вас по отчеству?

– Да какое там отчество! – засмутился капитан. – Ребята зовут дедом Митрофаном. И ты так зови, – и вдруг кокетливо потупив взгляд: – Степаныч.

– Митрофан Степанович, что мы всё на мостике? Пройдёте в каюту.

Переступив комингс командирской каюты, дед Митрофан восхищённо выдохнул:

– Ладно как у тебя! Тишина, чистота, книги, телевизор, ковры! А люстра- то, люстра какая! Не то что у нас. У меня такой люстры даже на берегу нет. А это что? Неужели сплит?

– Он самый. Шефы подарили.

– А это кто? – дед Митрофан прищурился на портрет за командирским креслом. – Небось, жена?

– Нет, – улыбнулся Скорик. – Крёстная мать корабля. Так что у вас произошло?

– Да как обычно, – капитан «Нерпы» удобно расположился на кожаном диване. – Не нравится норвегам, что рыбу ловим, ту, что они считают своей. Тебя как, командир, зовут?

– Андрей Петрович.

– Меня ведь, Андрей, уже вот так не раз арестовывали. По полгода в их шхерах простаивали. Ребята ни копейки не получали, побирались случайными заработками. А я ведь рыбу начинал ловить ещё при Хрущёве юнгой. Всякое бывало, но такого – никогда! Ты вот пришёл, меня защитил. А сколько сейчас наших рыболовов в морях? К каждому крейсер не приставишь. А надо так, чтобы нас защищал наш флаг! Чтобы даже от мысли, чтобы на него посягнуть, у таких вот иродов трясучка накатывала! Помню, идём с красным полотнищем на мачте, а перед нами все расступаются и первыми флагами расцветивания приветствуют, мол, будьте здоровы, камрады! Знаем, что лучше вас не трогать. При царе, если русский корабль в чей порт заходил, так салютом палили сверх положенного, только бы не обидеть. А сейчас?

«А сейчас, – подумал Скорик, – трясучка накатывает на наше командование. Лишь бы провокация не случилась. Только бы никто не обиделся, да войну не развязал. А чего её бояться, если она и так уже в воздухе витает? Паршивый фрегат и тот огрызнуться норовит».

Вспомнив о «Нордкапе», он нажал клавишу информационно-боевого поста.

– БИУС, где норвеги?

– «Сенья» ушла, товарищ командир, а «Нордкап» стоит в двадцати милях на своей половине.

– Вот это мне и не нравится, – сказал Скорик Митрофану Степановичу. – Почему не уходит?

– Да пусть стоит. Или думаешь, вернётся?

– Не знаю. Но долго я с вами быть не смогу.

– Да ты не переживай! Я ведь понимаю – ты человек государственный. У нас рыба, а у тебя дела, про которые нам даже догадываться не положено. А вернуться он не рискнёт. Я их знаю. Если отпор почувствовали, то уже не сунутся. Может, дня через три. А мы к тому времени уже здесь закончим.

– Митрофан Степанович, может вам сейчас отойти? – предложил Скорик. – Хотя бы миль на десять восточней.

– Эх, Андрюша! – засмеялся капитан. – Я ведь собой не команду. Мною рыба командует. Сейчас здесь самый промысел. А как уйдёт она на восток, так и я за ней.

Дед Митрофан почувствовал, что поймал за хвост любимую тему и начал делиться тонкостями рыбного промысла.

Скорик слушал еговполуха, больше прислушиваясь к доносившимся с ГКП командам, к шипенью волн да к перекрикивающимся с рыбаками матросам. Камбуз рыбой они уже забили, начали заполнять морозильные камеры, а рыбаки требовали брать ещё и ещё. Взглянув на остывший чай, Скорик отставил стакан и, открыв сейф, достал пузатую бутылку коньяка.

– Ух ты! – обрадовался дед Митрофан. – Скажи ещё, что французский?

– Французский, – улыбнулся Скорик. – Как раз для таких случаев берегу.

– А у меня для таких случаев самогонка. Хочешь попробовать?

– Не сейчас. Но в следующий раз – обязательно!

Через час прощались как самые близкие друзья.

Вернувшись на «Нерпу», дед Митрофан, глядя с мостика на удаляющийся корабль, долго размахивал рыбацкой треуголкой, а потом нет-нет, да осенял его крестным знаменем.

– Доброго вам плавания, сынки.

«Нужно было предложить им продуктов! Хотя бы мясных консервов или сока! – спохватился расчувствовавшийся Скорик. – Они же одну рыбу едят! – он посмотрел на траулеры, превратившиеся в едва заметные точки и горько констатировал: – Хорошая мысль всегда запоздалая».

Но возвращаться уже не было времени. Надо навёрстывать потерянные часы. С нулём 23 июня он должен занять назначенный район. А ещё успеть связаться с «Гепардом».

– БЧ-4, Такмаков на связь не выходил?

– Никак нет, товарищ командир.

– Следите, скоро должен.

«Хороший человек этот дед Митрофан, – снова вспомнил капитана траулера Скорик. – Я так своего деда и не помню. А его внуки могут им гордиться. На такой посудине выйти в северное море уже подвиг. Но рыбакам такого подвига мало, нужен ещё и трудовой. Если хочешь, чтобы владелец что-то заплатил, то будь добр – забудь про осторожность и страх».

– Товарищ командир! – ворвался в мысли взволнованный доклад. – С «Нордкапа» зафиксирован старт ракеты!

– Что?! – Скорик показалось, что ослышался. Дальше в действие включились отработанные рефлексy. – Всем по-стам – боевая тревога!

А затем в голове арифмометром защёлкали цифры. «Нордкап» выпустил противокорабельную ракету «Пингвин»! Других у него нет. Но дальность её полёта чуть больше тридцати километров! По морским меркам – это пистолетный выстрел! А сейчас между «Кулаковым» и норвежским фрегатом в три раза больше! Ошибка или?..

Скорик схватил бинокль и направил туда, где оставил рыбаков. Над горизонтом, кривляясь под порывами ветра, поднимался неровный столб дыма. Сквозь языки пламени мель-

кал и исчезал тёмный контур горящего судна.

– «Нерпу» на связь! – выкрикнул он в микрофон.

– Не отвечает, товарищ командир!

На глаза опустилась чёрная пелена, от злости перехватило дыхание, затем палец ткнул в клавишу боевого-информационного поста:

– Действия «Нордкапа»?

– Уходит, товарищ командир!

Сделал своё грязное дело и теперь уходит! Недальновидно посчитал, что русский БПК уже за пределами досягаемости, отомстил рыбаку и теперь на максимальной скорости удирает, увеличивая спасительное расстояние! Палец на секунду замер над клавишей боевого поста ракетно-артиллерийской части, затем уверенно нажал:

– БЧ-2, готовьтесь работать «Калибром»!

Время замедлилось. Растянулось, подчинившись неумолимому ходу хронометра, отсчитывающему роковые отрезки истории.

Минута. Нос «Кулакова» окутался дымом стартового ускорителя. Ветер подхватил его и швырнул, рассеивая вдоль волн рваными хлопьями. Все, кто был на ГКП, увидели стремительно удаляющуюся огненную комету.

Две минуты потребовалось ракете, чтобы догнать норвежский фрегат.

Три минуты, чтобы переломленному надвое «Нордкапу» уйти под воду.

Черту подвёл бесстрастный доклад:

– Цель поражена. На экране не наблюдается.

Оцепенев, Скорик глядел сквозь иллюминатор на ещё дымящуюся ракетную шахту и ничего не видел. Исчезли хмурые лица офицеров. Исчез привязанный ремнями к штурвалу матрос. Исчезли чайки, флаг, волны. Потемнело море. И вдруг он словно размножился! И теперь ещё три Скорика стояли перед ним и как беспристрастные судьи сверлили взглядами, пронизывающими насквозь.

– Он хоть понимает, что он сейчас сделал? – спросил самый строгий Скорик, с насупленными бровями.

– Он сделал то, что должен был! – вступился второй, поправив белую фуражку с вышитым «крабом»².

А третий, хитрый, с бесовскими искорками в глазах, взглянул на одного, второго и лукаво спросил:

– Простите, что вмешиваюсь, но мне вот любопытно – это он сейчас перебздел или недо...

² Сделанные на заказ фуражки с вышитыми золотой нитью крабами – особый шик у командиров кораблей. Обычные алюминиевые кокарды им носить стыдно.

Фрегат «Нордкап»

Глава четвёртая

За одного сбитого двух не сбитых дают

**22 июня 2020 г., вечер. Военно-морской госпиталь,
г. Североморск.**

Крокодил слово сдержал. Теперь Макс лежал в отдельной палате с телевизором и кроватью, утыканной клавишами управления. Всё удобно, рационально и под рукой. Есть вопросы к медицинской сестре? Нажми ту кнопку, что поближе к подушке, со значком колокольчика. Почувствовал себя плохо – бей по красной! Затекала спина – включи массажёр. Но он пока что своими привилегиями не злоупотреблял, болел скромно, напротив, предпочитая, чтобы это ему никто не мешал смотреть новости. Выгнувшись на кровати, Макс периодически переключался то на телевизор, то на экран компьютера. Новости сыпались одна противоречивей другой. Интернет утверждал, что Россия объявила войну Норвегии! Телевизор с ним спорил, убеждая, что это Норвегия объявила войну России. В Баренцевом море произошло сражение, в результате которого российский флот потерял половину кораблей. Тут же шло опровержение, что это другая сторона осталась без своего флота! И так далее, куда ни

щёлкни кнопкой. Все друг с другом препирались, противоречили, но все были едины в одном вопросе – а что ответило НАТО? Норвегия – её полноправный член! Были ли официальные заявления президентов? И можно ли уже утверждать, что началась Третья мировая война?

Повисшее напряжение Макс чувствовал даже по молчанию вошедшей протереть полы санитарки.

– Как там? – спросил он неопределённо, наблюдая за шаркающей у двери тряпкой.

– Рыбаков наших жалко... – вздохнула, не оборачиваясь, уборщица.

Рыбаков? А с этими-то что случилось?! О рыбаках в интернете ни слова! Он хотел расспросить, но санитарка торопливо вышла, словно опасаясь сболтнуть лишнего.

«Ладно – подумал Макс. – Придётся набраться терпения, а скоро придёт тот, кто всё знает, объяснит и расставит по своим местам».

Час назад звонил Шатов и пообещал зайти. При этом прозрачно намекнул, что есть разговор, касающийся непосредственно Максима.

– Генка, что происходит?! – выкрикнул в трубку Макс. – Началась война?

– Подожди и давай без истерик, – ответил Крокодил.

И Максим терпеливо ждал. Щёлкал кнопками, метался по сайтам, листал каналы и ждал.

Как обещал, Шатов прибыл ровно через час. Услышав в

коридоре шаги, Макс уже был уверен, что это к нему. Теперь Гена зашёл без сопровождающего доктора, хмыкнул, увидев на экране телевизора новостной канал, и, сделав ударение на последнем слове, многозначительно произнёс:

– Привет, герой.

– Гена, наконец-то! – пропустил мимо ушей намёк Макс. – Дай догадаюсь: ты пришёл сказать, что началась Третья мировая?

– С чего ты взял?

– Вот те на! – опешил Максим. – Ты новости-то видел?

– Выключи, – потребовал Шатов и сам потянулся к пульта. – Так... рабочие моменты. На хорошую войну не тянет, но на очередной конфликт – так вполне.

– Рабочие моменты?! Передают, что у нас половина флота на дне. Потери с обеих сторон. С Кольского полуострова началась эвакуация населения! Финны предложили обеим сторонам закупать у них гробы!

– О, Господи! – взмолился Гена. – Где ты набрался этого дерьма?

– Так... передают... – растерялся Макс.

– С российской стороны уничтожен траулер. Погибли наши рыбаки. Норвегия потеряла «Нордкап». Больше никаких потерь нет.

– А вот как раз про рыбаков и нет ни слова.

– Это потому, что ты роешься не там, где нужно. Западные СМИ предпочитают замалчивать начало, а подають новость с

момента, когда «Кулаков» отправил норвежцев на дно.

– Так всё-таки отправил? Гена, ничего не понимаю. Норвегия состоит в НАТО. А война НАТО с Россией – это же и есть Третья мировая!

– Ну, если ты это понимаешь, то и по ту сторону это тоже понимают. Никто к войне до полного уничтожения не стремится. Но не прочь пустить друг другу кровь, принуждая к уступкам. В Брюсселе состоялось срочное заседание, и в устав была внесена одна важная поправка. Силы НАТО вмешиваются только в том случае, если его члену угрожает потеря территориальной целостности. А об этом сейчас речь не идёт. Если бы перед армией России стояла задача по захвату норвежской территории, то наши десантники сейчас бы ужинали в Осло. Хотя этакий двойственный подход и не отрицает хорошую драку. Но... с рядом оговорок. Подобное поведение напоминает ситуацию, когда двое дерутся, а толпа вокруг виснет на руках и на ходу изобретает правила боя: подножки не ставить, между ног не бить, в глаза песком не бросаться. Официально в Брюсселе конфликт осуждают, но не прочь посмотреть, что из него получится. А потому Норвегию никто не останавливает, но дают понять, что поддержка ей будет исключительно экономическая, моральная, информационная, но никак не военная. А от России в свою очередь ждут, что она не станет применять ядерное оружие, ограничится конфликтом в Арктике и не будет рвать связи с остальными странами блока. Увы, нас пусть снисходитель-

но и обзывают европейской бензоколонкой, но терять эту бензоколонку никто не хочет. Хотя Норвегия уже выслала наше посольство. Мы ответили тем же. Но остальные страны пока что делать этого не торопятся. Так что, Макс, пободаться придётся. Но без эвакуаций, ядерных пепелищ и прочей газетной ахинеи. А теперь о главном. Я ведь к тебе не с политинформацией о мировой обстановке пришёл. У меня новость, которая касается непосредственно тебя. Завтра на Северный флот прилетает Главнокомандующий флотом России.

– А я-то здесь причём?

– У тебя уже кто-нибудь был? – оттягивая кульминацию, поинтересовался Гена.

– Если ты про дознавателей, то были. Приходили двое из штаба флота. Ножками топали, слюнями брызгали да грозились за нарушение чужой границы и потерянный самолёт из армии выгнать.

– Забудь! Теперь, Макс, всё изменилось. Теперь ты – герой! Главком летит представлять нового Командующего Северным флотом. Решительного, смелого, волевого, такого, какой здесь сейчас нужен. Старого, с его неуверенностью, отправляют в утиль, на заслуженный отдых. Ныне в цене рубаки-парни, как и сам Главком.

– Крокодил, а я-то здесь причём? – всё ещё не понимая, куда клонит Гена, разволновался Макс.

Когда Главкому доложили о происшествии с «Кулако-

вым», он грохнул по столу и заявил, что ему уже надоели эти трескостоеды! А кто-то из окружения, чтобы подыграть его праведному гневу, взял да напомнил о твоём случае в нужном цвете. Мол, они, негодяи, ещё и самолёт наш сбили, который ни сном, ни духом... В тревожные времена стране всегда были нужны герои. Обрати внимание – сейчас в новостях показывают только людей в погонах. Даже те, кто раньше орал: «Дармоеды!», теперь орут: «Армия, спасай Россию!» Так уж мы устроены. Пока не грянет, не перекрестимся. Нынче войной задышало. А чтобы придать войне благородный вид, наполнить сердца справедливым гневом, как раз и нужны такие, как ты. Так что готовься завтра к встрече с Главкомом. Сам хочет тебя видеть. Он, конечно, мужик суровый, но справедливый. Любит широкие жесты. Так что, может, даже наградит.

Максим судорожно сглотнул, выпучил глаза и медленно отвесил челюсть:

– Какие ещё жесты, Гена?

– Какие? Да вот, к примеру, прилетал он в Северодвинск принимать новую лодку. Как водится, встречали его с местным оркестром. Да так уж музыканты старались, так старались, что на них обратил внимание даже глухой на ухо Главком. Приказал показать ему дирижёра. А когда привели едва живого мичмана ему на глаза, он вручил тому лейтенантские погоны, а должность дирижёра оркестра сделал капитанской. Так что на всякий случай дырочку на кителе проколи. Вдруг

пригодится.

— Орден был бы к месту, если бы это я норвежца сбил, а не он меня, — хмыкнул Максим. — А так хоть бы мою единственную медальку за выслугу не отобрали. Не люблю я такие встречи на высшем уровне. Чем больше под ними пьедестал, тем меньше мы сверху смотримся. По себе сужу. Если заходит ко мне медсестра, то обязательно скажет, что с ногой у меня — лучше не бывает! Зайдёт заведованием, тут же начинает ныть, что всё идёт не так, как бы ему хотелось. А главврач, так тот сразу — с лётной работы списать! По окончании лечения требует вообще представить на медкомиссию по пригодности к службе в армии. Так и чешутся руки в физиономию съездить.

— Да я в курсе, — потупился Гена. — Насчёт лётной... может, не стоит строить иллюзий? А, Макс? На земле тоже есть неплохие должности. На том же «Кузнецове» в группу руководства полётами...

— И ты туда же? Это тебя главврач подослал?

Максим насупился и обиженно отвернулся. Даже одно упоминание о главвраче было способно надолго испортить ему настроение. Нет, медиков он, конечно, уважал. Особенно военных. О них он судил по начальнику медслужбы «Кузнецова». Милейший и вечно зевающий майор, с выпячиваемой напоказ ленью, но в одно мгновение преображающийся, когда ему в руки попадал больной. Вот тут его вдохновения могло с лихвой хватить на орды поэтов. Со скальпелем

в одной руке, со стаканом спирта в другой он надвигался на распятого на операционном столе пациента, как бульдозер на гору мусора! Официальную анестезию не признавал, а потому решительно заливал стакан брыкающемуся больному в рот, затем просил рассказать о себе. Слушая заплетающуюся речь пациента, он участливо кивал, качал головой, и если что-то не сложное, резал, выдирал, вправлял... Максим до случая с переломанной ногой встречался с ним лишь на предполётном осмотре. Но слушая, как док пропагандирует здоровый образ жизни, поучает собравшихся в тесном помещении лётчиков, понял, что медицину он очень даже уважает. А док лишь повторял прописные истины:

– Никогда не пейте сырую воду. Обязательно отстаивайте, фильтруйте, кипятите, а затем, чтобы не рисковать, пейте пиво.

Проникновенно и доходчиво. Не то, что этот медик с погонами полковника. Не поймёшь, кого в нём больше – бюрократа или солдафона. Особенно Максима раздражала отвратительная манера главврача, стоя рядом с кроватью больного, говорить о нём в третьем лице. Словно о неодушевлённом предмете – треснувшем стуле или недостаточно коротко спиленном пне. Вот всё хорошо! И поляна в цветах, и птицы на месте, а плохо спиленный пенёк ни к селу, ни к городу.

– С главврачом не разговаривал, но твою амбулаторную карту видел, – жёстко произнёс Шатов. – Послушай, что я тебе скажу. Не нужно быть доктором, чтобы понять, что у

тебя всё хреново. Правая нога срастается короче левой. Кто тебя с такими ногами к самолёту подпустит? Тут впору дать на жалость, чтобы вообще в армии оставили.

– Даже так? – посмотрел на него Максим. – Не знал. Спасибо за новость. Если уж ты так говоришь... Это что же, я теперь до конца жизни останусь хромоногой уткой?

– Прости, я не хотел, – смутился Гена. – Но может есть какая-нибудь обувь с разными подошвами? Нужно у докторов спросить. Наверняка можно что-то придумать, чтобы было не так заметно? Поначалу будет тяжело, потом привыкнешь, не сломаешься. Люди и не с такими травмами живут. А ты же у нас – морской лётчик! А у народа знаешь как? Если лётчик, да ещё морской, то должен задницей гвозди гнуть!

– Не пробовал, – хмыкнул Макс. – Но уверен, что не получится. Ладно, забыли. Со своими ногами я как-нибудь сам разберусь. А что там с Катком? Ты мне в прошлый раз так и не рассказал?

– С Катком? – на этот раз Гена потемнел лицом и отвернулся. – У Кирилла ещё хуже, чем у тебя. Там не ноги, там душа в хлам.

– Да ладно! Это из-за жены, что ли?

– Из-за неё самой. А ты чего удивляешься? Главную опасность для мужчин как раз-то представляют не враги или болезни, а именно женщины. Болезни лечатся, вражеские раны зарастают, а женщина может отравить жизнь на все оставшиеся годы. Запил наш Каток крепко. На службе проблемы.

От полётов отстранили. Если не остановится – разорвут контракт.

– Каток запил?!

Эта фраза прозвучала равносильно, как если бы Крокодил сказал, что Кирилл вдруг стал инопланетянином. Даже на выпуске, где самые отчаянные трезвенники считали своим святым долгом превратиться в свинью, Каток пил только сок. Захмелевшие Максим и Гена висли у него на плечах, требуя обмыть то кортики, то погоны, то якоря на лацканах. Поочерёдно и сообщая угрожали сначала дружбой, потом войной, затем дуэлью на этих самых кортиках. Но всё напрасно. Кирилл оставался неумолим. И вдруг – запил! Это что же такого могла сделать с ним жена, чтобы он запил?

– Гена, ты мне про кого сейчас рассказываешь? – недоверчиво спросил Максим. – Ты ничего не перепутал?

Шатов внезапно встал и направился к двери. Если о своём визите он всегда предупреждал заранее, то уходить предпочитал неожиданно.

– Готовься к встрече с Главкомом. По регламенту, он здесь будет к двенадцати.

Гена, наверное, уже вышел из госпиталя, а Макс продолжал тупо смотреть на закрывшуюся за ним дверь палаты. Кирилл запил! Отстранили от полётов! Может, даже выгонят к чёртовой матери из армии! Не укладывалось в голове.

В другой раз, когда его скромную персону посетил главврач, он бы непременно напрягся. Но сейчас даже не обратил

внимания. Хотя тот и ввалился тот к нему в палату без стука, с огромной свитой. Как обычно проигнорировав пациента, главврач прошёл к окну широким шагом и мазнул пальцем по подоконнику.

– Пыль! – поднёс он к глазам чистый палец. – Непорядок! Шторы заменить! Стёкла протереть! Между рамами обязательно проверьте.

– Сделаем! – преданно показал крайнее внимание заведующим и ткнул в блокнот медсестре: – Вы записывайте, записывайте.

Затем взгляд главврача упёрся в пустую стену. Такая стерильная пустота показалась ему преступной.

– Возьмите в моём кабинете картину и повесьте сюда, – ткнул он в стену и тут же уточнил. – На один день.

– Кого-то ждёте? – изобразил наивное неведение Макс.

– Ждём... ждём... – задумчиво пересёк палату главврач. – Здесь поставьте цветы. Принесите из хирургического. Да с них тоже пыль протрите!

– Может, ещё аквариум? – подсказал заведующим. – Из амбулатории?

– Это лишнее, – не оценило его рвение начальство. – Займёт рабочее пространство.

– Давайте аквариум! – решил внести свой вклад в общую суету Максим. – Я рыбок люблю. Вот сюда, на тумбочку, в самый раз.

Но его глас остался неслышанным.

– Достоверно известно, что будет телевидение, – главврач отошёл к двери и окинул палату оценивающим взглядом. – Проверьте, чтобы все розетки были рабочие.

– Кто-то едет? – не унимался Максим.

– Едет, едет... – теперь главврач подступил к кровати и недовольно уставился на загипсованную ногу. – Бинты обновить! Бельё сменить! Но не сейчас – утром! Больного подстричь. Побрить немедленно и ещё раз после завтрака. Да повторно пройдитесь общей приборкой. И... – вдруг потянул носом воздух полковник. – Я чувствую хороший аромат. У кого такие духи?

– У меня, – покраснела медсестра.

– Прекрасно! Если дорогие – освежите больного и палату.

– Только женских духов мне не хватало! – возмутился Макс.

Но, как и прежде, его мнение утонуло в общей суматохе.

Но с уходом главврача суэта не исчезла. Напротив, она постепенно превращалась в тихую панику. Травматологическое отделение загудело, как растревоженный улей. В палату Максима врывались все, кому не лень. Кто-то в поисках пыли под кроватью, кто-то в поисках этой самой коварной пыли на экране телевизора. Затем следовал очередной разнос и снова уборка. Потом всё повторялось сначала. Максим наблюдал за развернувшимся представлением с неподдельным интересом. Больше всего его забавляло то, что все считали своим долгом молчать и играли с ним в некую Большую во-

енную тайну. Все хитро хмурились, делали загадочные лица, но никто ни обмолвился ни словом о причине этой самой паники – вот валяешься ты тут и ничего не знаешь! А мы знаем, но хрен тебе чего скажем!

«Однозначно, с ними уже поработала служба безопасности, – резонно заключил Максим. – Ещё наверняка запугали, чтобы и дома сидели как мыши. Да чтобы не вздумали трепаться перед соседями. Это вам не кочерыжка обглоданная под кровать закатилась. Это сам Главком флота России Гиппократовы хоромы высочайшим вниманием осчастливить изволили!»

Утром началась вторая серия, но уже с нервозно-истерическим накалом. Теперь все не ходили, а бегали. Не разговаривали, а приглушённо покрикивали. За дверь в коридоре туда-сюда двигали что-то тяжёлое, отчего пол скрипел, а главврач задыхался от злости, что поцарапан линолеум. Заинструктированная до умопомрачения дежурная сестра заглянула к Максиму в палату и едва не потеряла сознание, увидев смятый уголок одеяла.

– Лежи как мумия! – взмолилась она. – Потом хоть окна бей! А сейчас я тебя умоляю, даже дыши через раз! Вот чтоб ни одной складочки ни на подушке, ни на одеяле.

Затем внезапно всё стихло. Как перед бурей. Будто по отделению прошлась беспощадно выкосившая всех до одного обитателей страшная эпидемия.

«Странно... – подумал Максим. – Если я здесь главный

виновник этого кордебалета, то почему не инструктируют меня? Где моя ответная речь? Где чётко разработанный сценарий? Что мне вообще делать? Орать – будьте здоровы, товарищ адмирал, или изображать счастливого дурачка с раскрытым ртом?»

В коридоре вдруг забарабанили частые шаги бегущего человека. Тяжёлые шаги подбитых подошв, а рядом семенящие каблучки медсестры. Дверь с треском распахнулась, и Максим увидел запыхавшегося подполковника с красными просветами погон.

– Королёв?! – выпалил он с порога.

– Он, он! – закивала из-за плеча медсестра.

– Слушай сюда, капитан, и запоминай! – не теряя ни секунды, начал подполковник. – Главком уже здесь! Как зайдёт к тебе, говори коротко, отвечай по делу и то, когда спросит. Но прежде чем чего-то ляпнуть, хорошо подумай. Обращайся только – товарищ Главком! Не вздумай сказать – адмирал. Не любит! Адмиралов много, а Главком один!

«Ну вот теперь всё на своих местах! – улыбнулся про себя Макс. – Как я мог подумать, что меня отпустят в свободное плавание? Всё как полагается – и инструктаж, и инструктор».

– Посматривай на меня. Если кивну, значит, всё хорошо. Моргну правым глазом – лучше помолчи! Про то, как тебя сбили, говори коротко. Все и так всё знают. Вали всё на норвежцев. Спросит про здоровье – не вздумай жаловаться. Ны-

тиков тоже не любит. В конце визита он обязательно спросит – чего хочешь? Ну это так, на телекамеру. Потому что за тебя уже всё решили. Выбирай – «Орден Мужества» или должность в Москве, при Главном штабе флота? Есть у нас одна вакансия. До подполковника вырастешь без проблем. А дальше тоже не пропадёшь. У нас никто не пропадает. Ну так что? Думай быстрее, капитан. У меня две заготовки приказа. На перевод и на награждение. Какую выберешь, ту сейчас и оформим Главкому на подпись. Сразу и подмахнём!

Максим смотрел на подполковника с сочувствием. Вот они издержки паркетной службы. Всегда должен чувствовать, чего хочет хозяин! опережать его на один шаг. Хотите орден вручить? Так вот у нас и приказ готов! Должностью озолотить? Что ж, извольте, и здесь мы не оплошали. Вот второй. Только подпись поставьте, и мы его тут же в дело производство! Ни дать ни взять – вышколенный пёс, преданно помахивающий хвостом.

– Так что выбрал, капитан? – потряс у него перед носом двумя листами подполковник.

В ответ Макс молчал. Смотрел на наливающиеся кровью глаза инструктора и молчал.

– От счастья переклинило? Я бы на твоём месте выбрал должность. Орден неплохо, но с ним ты отсюда не вырвешься. В дырах роста нет даже с орденами. Пользуйся, пока есть возможность свалить с этого занюханного Севера.

А вот это он зря. Север Максиму нравился.

– Да что же ты за тугодум такой? – вконец растерялся подполковник. Затем, прислушавшись, он вдруг обречённо выдохнул: – Ну всё! Опоздали! Главком уже по лестнице поднимается. Чёрт с тобой. Я на скорую руку оба приказа накидаю. А ты как надумаешь, моргни глазом. Если левым, значит, орден. Ну а правым – должность.

Вышколенный пёс стал за дверью и слился со стеной. В коридоре слышались хозяйские шаги, и тут уж лучше замереть в ожидании командного щелчка.

Главком явно страдал одышкой. Войдя в палату, он тяжело перевёл дыхание, вытер со лба выступивший пот, а затем уже пошарил взглядом в поисках виновника торжества.

– Так вот он какой, наш герой. Ну здравствуй, здравствуй.

– Здравия желаю, товарищ Главком!

Насколько это было возможно в его состоянии, Максим изобразил лежащую стойку «смирно». Багровое от повышенного давления лицо Главкома показалось ему совсем не таким, как на фотографиях. Эти фото имелись на каждом корабле флота, так что сравнить было с чем. Хотя наличествовали вполне узнаваемая бульдожья челюсть, нависшие мохнатые брови, по положению которых подчинённые Главного штаба определяли адмиральское настроение, расплюснутый боксёрский нос.

– Как тебя здесь лечат, капитан?

– Лечение идёт планоно! Успешно! – не дал раскрыть рот Максиму главврач. – Пациент идёт на поправку.

– Я не тебя спрашиваю, – даже не удостоил взглядом Главврача Главком.

А Макс не сдержал улыбку, увидев, как тот покраснел и теперь стал в два раза багровее, чем сам адмирал. Но Главком уже убежал мыслью вперёд и, позабыв собственный интерес к лечению Максима, неожиданно начал возмущённую речь:

– Мы положим этому конец! Никому ещё не удавалось потеснить Россию в мировых океанах!

Дальше адмирал блеснул знанием истории:

– Ещё до Баренца, путь на Грумант протоптали наши поморы! Первая изба здесь стояла русская!

Главком прошёл к кровати, и теперь всё пространство позади него заняла свита и телевизионщики. В глаза неприятно ударили софиты. Макс зажмурился, но его нефотогеничный вид мало кого интересовал. Всё внимание было приковано к адмиралу. Для того и собрались.

– Северный океан суров! Как и суровы люди, его покорившие. Ещё до Колумба, когда Европа только пускала в своих лужах бумажные кораблики, мы уже били здесь тюленей!

«Лихо загнул! – невольно восхитился Максим. – Интересен, речь ему подготовили или от себя, экспромтом?»

После краткого экскурса в историю Главком перешёл к дням насущным. Из суровой адмиральской речи стало ясно, что прошли те времена, когда Россия шла на уступки всем подряд. Теперь настал черёд уступок для тех, кто этого ещё

не понял.

– Северный Ледовитый океан наш! – пламенно закончил Главком. И вдруг без перехода: – Не думай, сынок, что мы им простим твои раны. Мы своих не предаём. Я думаю, со мной все согласятся, что его нужно наградить?

– Да, да! – дружно закивала свита. – Наградить! Непременно наградить!

– Сам-то чего хочешь?

Вот он миг истины! Владыка могучего флота России желает наградить своего подчинённого, пострадавшего от вероломного противника! Жест, который должен пройти по всем экранам. Как и главная мысль – мы никого не прощаем и никого не бросаем! Безусловно, адмирал знает о вариантах выбора, предоставленных Королёву. Нужно лишь соблюсти игру в неожиданность. Закрученный сценарий с эффектным концом. Вот только всё мог испортить Максим. Он снова тупо молчал. Смотрел в уставившиеся на него телекамеры и молчал. А возникшая заминка повисла в воздухе тяжёлой неловкой паузой. Словно на плечи адмиральской свите опустился потолок.

Главком недовольно прокашлялся в кулак и оглянулся. Нервно подпрыгивающий за его спиной подполковник с приказами в руках побледнел и, едва не теряя сознание, навалился на шкаф, пытаясь с ним слиться.

Выждав ещё пару минут и насладившись произведённым эффектом, Максим решил:

– Товарищ Главком! Прошу вас разрешить мне и дальше служить в вверенной вам морской авиации! К Норвегии у меня личный счёт. В сложившейся обстановке считаю правильным дальнейшее моё использование исключительно в качестве лётчика. Москва мне не нужна, а орден я, поверьте, заработаю, когда отдам долги.

После его слов адмиральская свита невольно попятилась к двери – ну сейчас начнётся! Но Главком вдруг вздохнул, кивнул, задумчиво обхватил подбородок и тихо произнёс:

– Я тебя понимаю, капитан. А что скажет медицина?

– Это невозможно! – возмутился главврач. – У него деформация кости с выраженной последующей хромотой.

– Значит, ты ничего сделать не можешь? – теперь адмирал сверлил тяжёлым взглядом сжавшегося полковника. – Ты, эскулап, запомни – за одного сбитого двух несбитых дают. Мне такой лётчик нужен. А теперь я вот спрашиваю – нужен ли мне такой медик, который не может вернуть мне лётчика? Что ж ты из него калеку делаешь! Отныне заруби на носу – вы с ним одной пуповиной связаны. Вернёшь его в строй – значит, нужен. Нет – иди в народное хозяйство коровам хвосты крутить!

На этом визит Главкома закончился.

Когда всё стихло, в палату вернулись главврач и травматолог.

– Что же с ним теперь делать? – посмотрел тоскливым взглядом на ногу Максима травматолог.

– Ломать! – решительно заявил главврач.

– Жаль, так хорошо срасталась.

И словно для того, чтобы убедиться в том, что злополучная нога всё ещё на месте, он постучал шариковой ручкой по гипсу. Выглядело это так, как будто решалась судьба всё того же злосчастного пня на поляне. Пилить или корчевать?

– Придётся всё начинать сначала.

– Начинайте, господа! – вдруг вклинился в их диалог Максим. – Ломайте, пилите, сверлите, но в самолёт меня верните! А то я ведь теперь знаю, кому жаловаться. Колите ваши иммуномодуляторы для ускорения срастания! – он не был уверен, что это к месту, но где-то слышал. – Я на всё согласен!

Два медицинских светила уставились на него, как тараканы на тапок. Это же надо – говорящий пень!

Глава пятая

Жизнь под откос

3 июля 2020 г. Аэродром Нагурское, остров Земля Александры.

– Капитан Катков, выйти из строя!

Командир полка полковник Бриткин посторонился и указал рядом с собой.

– Выходи, покажись. Страна должна знать своих «героев».

Кирилл раздвинул первую шеренгу и вышел, став рядом с полковником с безразлично-отсутствующим видом. Сегодня он снова опоздал на службу. До поздней ночи шатался по гарнизону, а затем банально проспал.

– Фу... – скривился Бриткин. – Перегаром несёт как от последнего алкаша!

По-летнему мягкий снежок тихо ложился на плац и залетая за воротник, приятно охлаждал шею. Кириллу было мучительно, противно, и меньше всего хотелось сейчас что-то говорить и оправдываться. Но от него оправданий и не требовали. Прошла та полоса уговоров и понимания, когда сочувственно похлопывают по плечу и просят одуматься. Теперь зазвучал карающий слог.

– За систематическое нарушение воинской дисциплины

капитану Каткову объявляю строгий выговор!

По уставу Кирилл должен ответить: «Есть, строгий выговор!» Но из недр вырвалась омерзительная отрыжка, и Бриткин брезгливо отступил на шаг.

– Какой это у тебя по счёту? – спросил он, помахав перед лицом ладонью, и, не дождавшись ответа, обратился к строю: – На этот раз обещаю, что это уже точно последнее предупреждение! В одно прекрасное время мы с ним распрощаемся.

Как же отвратительно, тошнотворно и мерзко. Жажда высушила насквозь, но если высунуть язык, то можно попробовать поймать влажную холодную снежинку.

– Катков, ничего не хочешь ответить?

Кирилл хлопнул ртом, прихватив сразу несколько снежинок, затем посмотрел на Бриткина, словно только сейчас его заметил:

– Вы что-то сказали?

– Пошёл вон, – процедил сквозь зубы командир полка и уже для остальных выкрикнул: – Разойдись!

Народ медленно потянулся кто куда. Техники на аэродром к самолётам, лётчики в классы подготовки к полётам. Завтра планировалась лётная смена, но это уже не для него. Кирилла от полётов отстранили, с лётного довольствия сняли. Поначалу этому обстоятельству несказанно обрадовался начальник штаба эскадрильи. Когда полк интенсивно летает, для него найти людей в наряды – задача из разряда невыпол-

нимых. А тут вдруг освободился человек – гоняй его через сутки. Но когда Кирилл на дежурстве напился, а затем, заскучав, выстрелил в потолок, ставить его в наряды запретили.

Он с тоской взглянул на выглядывающий из-за капонира хвост истребителя и повернул в другую сторону.

– Катков, можно тебя на минутку?

Рядом стоял старший офицер-воспитатель, а по-старому – замполит полка. Потрёпанный жизнью, но очень душевный подполковник, в таком же, как и сам, потёртом лётном комбинезоне. Из-за своей доброты Дмитрий Сергеевич Панин пользовался огромным доверием и уважением как у офицеров, так и у рядового состава. Кирилл замполита тоже уважал, но видеть сейчас не хотел и его.

– Что с тобой происходит, Кирилл? Ты же не ребёнок, у которого отобрали любимую игрушку и потому закативший истерику? Ну подумаешь, жена бросила! У меня их две было и обе бросили. А наш Бриткин, так тот вообще считает, что если жена мешает службе, то не грех и развестись. Ну понесло тебя в разнос неделю, ну понесло вторую. Поймём – дело молодое. Но пора уже и в чувство приходить!

– Дмитрий Сергеич, можно я пойду? – попытался исчезнуть Кирилл.

– Подожди, – смутился замполит. – Ты должен знать. Я письмо в твоё училище отправил.

– Зачем?

– Командир приказал. Вы же с ним одно училище заканчивали?

– Да. Только в разное время.

– Он говорит, что у вас там есть доска почёта и позора выпускников. Так что висеть тебе теперь, позориться.

– Глупо, – вздохнул Кирилл.

– А ты как хотел? Командование должно же как-то реагировать? Удивил ты нас всех, конечно, сильно. Никто ничего понять не может – что с тобой происходит? Ведь на хорошем счету был! Планировали тебя назначать на должность замкомэска! И вдруг как малое дитя раскис. Жена бросила, так что, теперь и жизнь закончилась? Она у тебя ещё вся впереди, а ты её уже под откос пускаешь. Отец ведь у тебя военный? Слышал, очень уважаемый человек. Как ему будет читать о твоих выходках?

– Что читать?

– Я ему тоже написал. Бриткин приказал.

Кирилл застонал, посмотрел на замполита глазами побитой собаки и невольно скрипнул зубами.

– Ну он-то понятно – идиот. Но вы-то, Дмитрий Сергееч, вы-то... Причём здесь родители? Я могу сам за себя ответить. У матери сердце больное, что ж вы творите?

– Сам должен о своих родителях думать. Ты мне, Кирилл, повод дай, так я первый им опровержение отправлю, что это я, мол, сам спьяну всё перепутал, да тебя в их глазах опорочил! А на самом деле – ты отличник боевой подготов-

ки, каких ещё поискать. Одумайся, дай предлог сказать, что ошибаюсь! Что молчишь? То-то! Я к тому этот разговор завёл, чтобы ты знал, Бриткин в Североморск командованию о твоих похождениях уже доложил. Ещё и приукрасил. Просил или перевести тебя куда-нибудь с глаз долой, или выгнать. Ему приказали готовить документы на увольнение и при первом твоём залёте давать ход. Так что, Кирилл, ты бы завязывал. Дело принимает серьёзный оборот.

– Спасибо. Я учту.

И Кирилл учёл.

Вернулся в жилые боксы, выстроившиеся строгими рядами округлых крыш, открыл свой тайник под пластиковой задвижкой раковины и достал бутылку с разбавленным спиртом. Опустошив её наполовину, остатки спрятал в карман и снова пошёл бродить по гарнизону. С вызовом! На показ! Распугивая редких прохожих, прогуливающих по единственной улочке, вымощенной деревянными плитами, переплетёнными стальной арматурой. Гарнизон был невелик. За двумя соединёнными арочными переходами служебными модулями тянулись жилые. Отдельно для холостяков, отдельно для семейных. По десятку утеплённых блоков и для тех, и для других. Дальше столовая для лётного и технического состава, затем причал с выстроившимися в ряд катерами. Ещё дальше вертолётная площадка с домиком для прилетающих. А за ангаром со снегоуборочной техникой начинался аэродром с бетонными капонирами для Су-35. К нему

и направил нетвёрдые ноги Кирилл. Выглядывающие кили истребителей служили ему маяком. Рядом с первым капо-ниром стоял домик дежурных сил. В нём по неделям жили техники и лётчики для обеспечения экстренных тревожных вылетов. Зайдя за угол, Кирилл остановился и попытался заглянуть в окно. От сверкающего в снегу солнца стёкла скрыла темнота. Тогда он прижался к окну носом, закрываясь от света руками. Но неожиданно дверь открылась, по ступеням скатился техник и, не глядя на него, побежал к самолёту. Затем вышли два пилота с защитными шлемами в руках и перекинутыми через локоть кислородными масками в чехлах. С первым пилотом Кирилл был хорошо знаком, а другой ещё не так давно был его другом.

– Серёга, на вылет? – спросил он, норовя перегородить узкий проход.

Сергей Николаев окинул неприязненным взглядом его растрёпанный комбинезон с вывернутыми карманами и попытался отделаться кратким ответом:

– Да, на вылет.

– Что-то серьёзное?

Напарник Николаева дёрнул его за локоть и шепнул:

– Пошли, нам некогда. Если Бриткин вместе увидит, не оберёмся дерьма.

– Извини, Кирилл, – смутился Сергей. – В самом деле – ты для Бриткина – как быку красная тряпка. И потом мы действительно торопимся.

– Идите, идите... – проводил их пьяным взглядом Катков. – Надо же, какие мы осторожные и торопливые. Плевать я хотел и на вас, и на вашего Бриткина! Поговорить со старым другом нам уже вдруг стало стыдно?! Ничего. Я найду тех, кто меня выслушает. На вас, Серёга, клином свет не сошёлся. Будут и у меня новые друзья, потерпеливей вас.

– О чём это он? – спросил Николаева его ведомый.

– Пьяный лепет. Не обращай внимания.

Они прошли по тропе до бетонных плит аэродрома, а рядом с бруствером капонира Николаев оглянулся. Кирилл смотрел им вслед.

«Может, не надо было так? – подумал он, надевая шлем. – Пока техники готовят самолёт пару минут вполне мог уделить. Всё же не первый год вместе... летали в паре».

Старший техник похлопал по плечу и показал на лестницу. Пора. Теперь уже не до разговоров. Теперь все мысли о полёте.

...Дежурство в воздухе применяется, когда вылет истребителя с аэродрома не обеспечивает на угрожаемом направлении перехват воздушного противника. Рядом с передовой, когда до этого самого противника рукой подать. А от острова Александры до ближайшей норвежской земли всего-то было пару сотен километров. Вражескому истребителю, вооружённому ракетами воздух-земля, проскочить их нужны минуты. Под прикрытием комплекса С-500 сам аэродром Нагурское мог чувствовать себя в безопасности. Но вот буро-

вая «Заразломная», воткнувшая в дно моря ноги-столбы где-то между норвежским архипелагом Шпицберген и российской Землёй Франца-Иосифа, находилась в зоне риска. Развязав конфликт и подчиняясь правилам сдержанной войны, и та, и другая сторона заняли выжидательную позицию, терпеливо ожидая для удара удачный момент. Образовалась некая «Полоса соприкосновения», в пределах которой могли себе позволить появиться и российские корабли под прикрытием истребителей, и норвежские самолёты, предусмотрительно убедившиеся в чистом небе с помощью береговых радиолокационных станций. Но не далее определённых границ, залезать за которые было бы равносильно самоубийству и для тех, и для других. Начались, как сказал Шатов, рабочие моменты. А СМИ окрестило сложившееся положение «Странной войной». Игра кто кого застанет врасплох в этой самой допустимой полосе. Кто окажется хитрее, изворотливее и сможет поймать противника в западню на узком, оставшемся для манёвра и протянувшемся вдоль безопасных границ поясе. Оперативный отдел Северного флота не торопился сравнять с уровнем моря хорошо прикрытый Шпицберген. Во всяком случае, тем ограниченным оружием, которое было предоставлено в его распоряжение. Хотя мог попытаться, но почему-то этого не делал. Многие считали, что причиной всему элементарный здравый смысл, не позволяющий использовать дорогие высокотехнологичные ракеты, так как их запуск будет сравни выброшу на помойку. Более инфор-

мированные источники видели другие причины. Во всяком случае так или иначе, но серьёзно воевать Россия не торопилась. Норвегия также не рвалась проверить российскую ПВО или противокорабельные береговые «Бастионы», ограничиваясь охотой на зазевавшееся и опасно удалившееся от собственных берегов судно или отклонившийся от маршрута самолёт. Так бы и дальше выжидали, подстерегая друг друга в злополучной «Полосе соприкосновения», если бы не буровая «Заразломная»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.